

Как тебя зовут?

азбука любви

18+

Стас Колокольников

Стас Колокольников
Как тебя зовут? Азбука любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67141529

SelfPub; 2022

Аннотация

Именно такой должна быть повесть о любви. Только правда о ней. Каждое слово, как стук в дверь. Герой открывает её и встречает Любовь.

Стас Колокольников

Как тебя зовут?

Азбука любви

А

Amantium irae amoris integratio

(Гнев влюбленных – возобновление любви)

Время остановилось. И тайная легкость пронзила сердце смарагдовой стрелой богини Нейт. Любовь, прежде пойманная в сети времени, блуждавшая по его коридорам, вернулась и легла у моего порога. Что же это было? Волшебство? Истина? Или наваждение избалованного сознания, способного на любые фокусы?

Ответ я знал. И то, и другое, и третье.

Она лежала в моей постели, божественная в своей наготе и курила сигарету. Я не любил, когда курят в постели, но ей отказать не смог.

– О чем ты задумался? – спросила она.

– Ни о чем, – ответил я. – Просто лежу и смотрю на тебя.

Она выдохнула дым и усмехнулась. Она поняла, что мои мысли где-то далеко. Хотя на самом деле – нигде. Потому что время остановилось, легло пылью под ноги. И это была долгожданная пауза. Мгновения настоящего блаженства, когда любовь и свобода, помноженные друг на друга, всюду.

– Если ты меня больше не хочешь, то я, пожалуй, пойду домой, – сказала она.

– С чего ты взяла? – спросил я.

– О чем ты все-таки думаешь? – повторила она свой вопрос. – Ты меня с кем-то сравниваешь?

– Не угадала.

– А я не собираюсь угадывать, сейчас оденусь и пойду.

– Куда?

– Куда-нибудь.

– Не уходи, – я привлек её к себе. – Давай еще полежим.

Так хорошо просто лежать и не чувствовать времени.

Она тихо утробно засмеялась и прижалась ко мне.

– Только не надо меня ни с кем сравнивать? – прошептала она в самое ухо, от чего по моему телу побежали горячие волны.

Вам не приходилось читать трактат «О любовном бешенстве Андрея Французского»? Нет. Жаль. Да и мне не приходилось, на полке лежала лишь иллюстрация гравюры с обложки первого издания. Но стоило только представить, о чем там речь, как орган любовного бешенства сразу расправлялся поднятым на ветру стягом и крепчал как китовый ус. Задыхаясь от желания, я теребил штаны и не находил себе места.

И вот наступило утро, с которого не надо было ничего представлять, любовь лежала со мной под одним одеялом и крепко прижималась горячими грудками. Нам было хорошо

вместе, бесконечные любовные *etourderie* (шалости) сводили с ума.

Мы не выходили из квартиры уже несколько дней и могли не выходить еще столько же. Я не находил слов и только мычал от удовольствия. А что тут скажешь? Вряд ли существует хоть одно слово, способное вместить в себя все радости любви. Имя Бога? Да, но ведь это имя Бога. И его не зовут, когда любят телами. Он сам постучится, когда будет нужно.

– Ты что-то пишешь? – спросила она вчера, увидев разбросанные по полу страницы рукописи.

– Да, немного.

– И о чем?

– Так, обо всем. Странные истории, больше рассуждения. В литературе это называется «поток сознания».

– Рассуждения о чем?

– Хм, наверное, о растревоженных чувствах и об огромном желании, чтобы жизнь была жизнью.

– Поступай в жизни проще, – проговорила она, развалившись на кровати и сверкая голыми ягодицами, – никогда не старайся кого-то удивить. Пустота лишь раздражается на беспомощные заклинания. Не надо подбирать большую связку ключей к тайнам. Всего лишь настройся на их волну и почувствуй миг соприкосновения их с тобой. Они сами подскажут решение. Вот и всё.

Она умела сказать так, что потом вроде и не нужно было ничего говорить. До неё мой взор блуждал по миру в поис-

ках любви, словно глядя в перископ, поднятый со дна океана. Во всех направлениях, в каждом закоулке я вынюхивал чудо любви. И вот я встретил её. И вот я глотнул любви и понял, что теперь не смогу утолить жажду, пока она сама не сглотнет меня. В чем-то мне повезло, а в чем-то я оказался в очень рискованном положении.

– Тебе не казалось, – спросила она, трогая мой пупок, – что любовь по-настоящему волнует нас, пока касается наших обнаженных тел, пока в них царит молодость и свежесть?

– Нет, я так не думаю, – не согласился я. – Конечно, любовь сохнет, как печальный пирог, если её не с кем делить. Но ведь она суть всего живого.

– Любовь, пироги, морковь, – усмехнулась она, уже стараясь укусить за пупок. – И что ты еще можешь сказать о любви?

– Хочу написать историю о любви, – сказал я.

– О любви? – не удивилась она и лизнула пупок.

– Ага, о любви, и чтобы героиня была обязательно шлюхой.

– Почему шлюхой? – она взглянула мне в глаза.

– Просто в моей голове вертится одна мысль.

– Какая мысль?

– О шлюхах.

– Что о шлюхах?

– Что в объятиях героя должна лежать шлюха.

– Какого героя?

– Любого. В данном случае героя моей истории. Шлюха, достойная настоящей любви. Она устала, облазила невероятное количество штанов, она хочет отдохнуть на плече самого близкого человека. Человека, который, как и она, гонялся по миру за призраком свободы. И вдруг увидел эту свободу в её глазах, нащупал в её чреве. Они оба побывали в выгребной яме жизни, наглотались дерьма. Пришла пора обрести чудо друг друга. И они найдут. Другой вопрос – надолго ли? Хочется сказать – навсегда. Может, это и возможно, если шлюха не слишком увлечена выпивкой. Тогда она будет для героя как ангел. Ангельская шлюха, неплохо, а? Пусть шлюха по началу пьёт, но не до умопомрачения. Ведь совсем непьющая шлюха – это даже неприлично. Шлюха и герой – идеальная пара. Герой и сам в душе потаскушка, только это скрыто за его голодным волчьим взглядом.

Я перевел дух, отхлебнул вина из бутылки, стоявшей у кровати. И продолжил:

– Представь, что может произойти с таким героем, если он свяжется с невинной девицей, чье знание о жизни заканчивается там, где начинается. Возможно, конечно, герой и сделает из девушки честную шлюху. Но скорее кончится по-другому, она будет близка к тому, чтобы сделать из героя слезливого пастушка. Поживут, намаются, словно накатав хлебных шариков, и разбегутся. Вернее сбежит герой, а девушка останется с разбитым сердцем. Упаси боже, связывать героя с такой пассивией. Хотя, конечно, и здесь найдется место для

неожиданного финала. Но всё же я предпочитаю видеть рядом с героем шлюху, в этом больше жизни, больше юмора. Ртуть и джаз, никаких наивных гимнов и кружев. Шлюха не даст герою скучать и не засмущается, когда войдут обнаженные полубоги из соседнего двора. Она не даст спать в лихую ночь и сидеть дома, когда в гавань войдут вольные корабли. Кто может быть жизнерадостнее влюбленной по уши блудницы? Только она может перекрыть пошлый мир в цветущий сад.

– Ты ненормальный, – сказала она, уже не интересуясь моим пупком.

– Потому что решил написать о шлюхе?

– А зачем ты вообще пишешь? – спросила она, ей явно не понравилась болтовня о шлюхе. – Хочешь признания? Популярности? Денег?

– Нет, вряд ли. Хочу интересней жить? – попытался объяснить я.

– Может получится наоборот, если это не твое. Да я и не верю, что тебе не нужны слава и деньги.

Деньги нужны, подумал я. С кем в этом мире немощь и нищета? Без хлеба и вина Венера исчезает, а богиня Хатхор из-за отсутствия наличных превращается в старуху-скрягу. Ради любви, лежавшей в моей постели женщины, я был готов подчиниться воле тех, кто купил весь этот мир с потрохами. Монеты и песни с каждым веком дружат крепче и крепче. И пока непонятно что отзвучит раньше. Но я знаю, где-то

в таверне сидит трубадур, и как Гильем Маргет с легкостью спускает монеты, полученные за спетые песни.

– Деньги... Что толку о них говорить, когда их нет, – сказал я вслух.

– Да я вообще не хочу с тобой говорить, – отрезала она и стала одеваться.

– Уходишь? – удивился я и тут же догадался. – Ты обиделась, ты решила, что я говорил о тебе. Перестань, выбрось из головы. На меня находит, я плету глупости.

Я обнял её покрепче, чтобы она не вырвалась. Она была своевольная, уходила, когда ей вздумается. В этот раз она осталась до утра.

На рассвете, пока она спала, я открыл глаза и увидел беса. Он давно таскался за мной. Со своей тягой к фокусам я был отличной приманкой. Бес сидел на небольшой афишной тумбе, которую приволок с собой, и ухмылялся, помахивая хвостом. В руках он держал банку пива и лениво потягивал. Время от времени взор его становился выразительным, даже красноречивым, словно навязывающим древнее родство. Но он молчал, и я молчал. Наше молчание напоминало музыкальное вступление.

Надо признаться, однажды я пользовался услугами беса. Но не настолько, чтобы оставаться должником. При помощи беса я мерялся силой с пустотой, проверяя её наваждения. И я увидел, как вечность в тяжелых потугах рождает мышь. Как корабли, заправив паруса, прячутся в бутылку. Ощутил,

как вместо мечты дают подержаться за упругий член. Почувствовал, как ветер дальних стран приносит зловония, а поцелуи оставляют язвы.

Думаете, это интересно – ухватиться за хвост беса, взлететь на небо и обрушиться обратно. Помахать рукой Богу, и вот уже дьявол наматывает твою душу на свой бесконечный коготь. После общения с бесами начинаешь сомневаться в наличии у жизни здравого смысла. Хорошенькое дело, подумал я тогда, понюхав пахнущие серой руки, сам выдаешь желаемое за действительное и сам стираешь границы между тем и другим.

Теперь я не нуждался в помощниках, я воскрес из мертвых и чувствовал себя очень уютно в своей кровати. Бес сидел, подождал – не потребуется ли чего, и исчез. А она так ничего и не заметила. Наклонившись, я поцеловал её в мочку уха.

– Ты кто? – спросонья спросила она.

– Это я твой тапер.

Почему тапер? Да потому что в тот вечер, когда мы познакомились, я решил стать тапером. Тапер – это тот, кто играет как бы для всех, но на самом деле играет только для кого-то одного, кого ждет и любит.

Так вот она споткнулась о мои раскиданные по миру ноги в тот момент, когда я отыграл первую вещь в своем репертуаре: «Спутники любви», я сидел с бутылкой вермута и пьяно ухмылялся. Она грохнулась на пол, она тоже была пьяна. Пи-

ла она так, что у чертей рога заворачивались в штопоры, как у винторогих козлов. Хотя при этом утверждала, что её душа продолжает бежать по небу вслед за ангелом. Умная, сохранившая красоту женщина, напиваясь, она вела себя, как прожженная шлюха. Всем своим обжигающим видом она давала понять, что мужчин у неё было больше, чем окружающие видели снов. Глядя на её серое пьяное лицо, когда она щурила глаза, казалось, она видит огромный фаллос, который ей улыбается и подмигивает. Она сама время от времени развратно расплывалась в улыбке и кому-то подмигивала.

В тот момент, когда она споткнулась и упала передо мной, я пребывал в отчаянии. Накануне несчастная любовь отбила у меня вкус к сладкому.

– Привет, мальчик, – сказала она. – Как поживаешь? Подними меня.

Я поднял. Она встала, сделала шаг и опять упала.

«Ничтожна страсть, к которой есть мерила», – так заявил один поэт.

Страсть вспыхнула между нами, как пламя в газовой горелке, стоило ей лишь споткнуться о мою правую ногу в полосатом носке и черном ботинке. Она еще не успела коснуться пола, а уже сама почувствовала, как безумная страсть зажглась в её сердце. Хоть и пьяная она сразу осознала это и громко закричала или запела:

– А-а! Ты теперь не солнце, а скорей луна. А-а!

Из-за столиков повыскакивали посетители, решив, что

кто-то был зарезан. Так оно и было, нас обоих прирезала страсть. Мы остались один на один с этим миром. «Когда стоит член, Бога нет», – говорил хромой герой Кристофера Уокена.

– Где ты живешь? – поднимаясь на колени, спросила она. – У тебя есть хорошая музыка?

Я наклонился и заглянул ей в глаза, они были безумными, они ничего не видели. Она просто чувствовала меня кожей, мое присутствие было для неё обжигающим.

– Поедем к тебе, – заплетающимся голосом произнесла она. – Все будет хорошо.

Когда я взял её за руку, то понял – мне не отвертеться. Она будет со мной, пока чья-то воля не сотрет этот мир, как надоевшую картинку. Это была страсть. Страсть без любви – неуправляемый половой инстинкт, а страсть, сотканная из сгустков любви – уносящаяся от земли комета, и она, скорее всего, не вернется обратно. Океан страсти накроет с головой и, если повезет, выбросит полуживым на цветущий райский берег. Или утопит. В любом случае не оставит без впечатлений.

– Поедем, – согласился я. – Будет даже лучше, чем ты представляешь.

Вряд ли она что-то представляла, она упиалась до чертиков. Я бы никогда в жизни не потащился домой с пьянчужкой. Но мне её выписали на небе, и делать было нечего. Кто-то кричал вслед:

– Осторожно! Uwaga! Вернись! Ты не найдешь обратную дорогу! Опомнись! Имей виду, тебя предупреждали!

А я словно вошел в туннель навстречу скорому поезду. Но это был мой день, и нечего было бояться. Золотые брызги отлетали от меня, как звезды, изо рта выпрыгивали блестящие рыбки, а руки обращались в ветви, на которых распускались сотни тысяч цветов, и я уже начинал переливаться перламутром. Раньше весь этот цирк обрывался с негромким хлопком, оставляя ленточку дыма и запах серы. После чего хотелось сблевнуть свои внутренности и прострелить распухшую голову. Но теперь – нет, теперь я буду жить рядом с ней, жить и знать более, чем отпущено простым смертным. Теперь мы часть друг друга.

– Скажи, – охнув, вымолвила она, когда я первый раз вошел в неё, – что тебе нужно?

Она была еще не в себе, хмель не выветрился из её сознания и, возможно, вопрос адресовался другому. Я не стал отвечать. Азбука страсти проста, она состоит из трех букв, и тут говорить не о чем. На следующее утро после нашего знакомства я открыл глаза до её пробуждения и долго глядел на изможденное лицо цвета обезвоженной земли, мне начало казаться, что я проснулся рядом с трупом. По морщинкам на лице я читал его историю. Существо не из этого мира когда-то владело этим телом. Но покинуло его. А тело продолжало существовать вопреки законам вселенной, благодаря оставшейся в нем неуспокоенной душе, которая не

хотела покидать тело, провозгласив свободу любви источником новой жизни. С невиданным упорством эта душа отстаивала своё право на такую свободу. Рядом с этим телом законы природы искривлялись. Лишенное неземного разума, подобно кукле, тело таскалось вслед за свободолобивой душой. Не заботясь о том, что же с ним произойдет, терпеливо ожидало, когда душе надоест дырявый костюм, и она бросит его в какой-нибудь постели. Это будет конечная станция.

Я смотрел, смотрел и пытался размышлять о чем-нибудь далеком от некрофилии. И вдруг захотелось, чтобы это серое тело ожило и стало розовым и теплым. Я начал согревать её своим дыханием. И она ожила, порозовела, возбудилась и отдалась легко и страстно, словно Изольда родному Тристану. Идеальной близости в этом мире мало. Редкий случай, когда обретаешь подобное чудо. Проникая в неё, я понял, за что полюбил. За то, что искал давно, и не только я – многие.

Несколько дней мы не выходили из моей квартиры, пока я не рассказал, что хочу написать книгу, где героиня будет шлюхой. Это задело её, она решила – это про неё. Но я сказал то, что должен был сказать.

– Ты меня имел в виду? – так прямо она и спросила, когда мы сели завтракать.

– Нет, не знаю, вряд ли... – не желая врать, сказал я.

– Странно, я думала, ты относишься ко мне по-другому.

– При чем здесь ты, – убеждал я. – Это просто идея. Может, не самая лучшая. Но что здесь такого? Просто история

о любви. Герой и шлюха. Почему он выбрал именно её? Может, он нашел идеальный минет? Может быть... Но не это главное. Хотя она это делает так, что тело разрывает на атомы. Просто он влюбляется в её свободу. Её грандиозный цинизм делает мир веселым. Герой, влюбленный в шлюху, а она в него – это идеально. Ставлю пари, каждый не прочь...

– Хватит! – громко сказала она. – Меня бесит твоя болтовня.

– Что сболтнул лишнего? Прости, – оправдывался я. – Но ведь это всего лишь история для книги.

– Пошел ты со своими книгами! – вскочила она, быстро обулась и хлопнула дверью.

Я побежал за ней.

– Эй, подожди! – останавливал я её. – Что случилось?

Она делала вид, что не слышит.

– Подожди. Чего ты, в самом деле? – суетился я вокруг неё. – Побудь со мной еще! А?

Она притормозила машину и, прежде чем закрыть за собой дверцу, сказала, словно обратившись к дереву за моей спиной:

– Можешь мне позвонить в конце недели.

И уехала.

Можешь позвонить в конце недели. А почему не в конце года, не в начале следующего тысячелетия или с того света? А что, и позвоню. С Венеры или с Марса, смотря где буду раньше. Вот так любовь. Встретились – расстались. Преду-

преждали. Увага! И я готов это терпеть, думать только о ней и ждать конца недели? Задаваясь этим вопросом, я столкнулся с приятелем. Он курил возле моего подъезда и с интересом смотрел на меня.

– За кем ты тут гонялся? – не скрывая любопытства, спросил он.

– А ты видел?

– Хм, симпатичная мадам, стройненькая. Шлюшка? Стащила что-то? Что у тебя там можно взять, томик Борхеса?

– Не, я влюбился, – признался я.

– Тю, – присвистнул приятель, – в который раз? Для тебя же это как хлеб маслом намазать.

– В предпоследний, – огрызнулся я.

– Хорошо, значит, я вовремя.

– Почему?

– Пойдем со мной, у тебя есть шанс влюбиться в последний раз.

– Не хочется.

– Собираешься сидеть дома и думать, куда же она от тебя умчала на машине. А может, она поехала в библиотеку, обменять Борхеса на Чехова. Ха-ха! – приятеля веселил мой обалдевший вид.

– Да пошел ты! Ладно, куда идем?

– Соседний дом.

Туда, куда мы заявили, приходили часто. Есть такие квартирки, полные зловещего уюта, где две-три подруж-

ки-студентки делят быт, делят одну мечту, таская к себе разных блудливых оболтусов в надежде, что однажды кто-то прибьется к ним навсегда. И будет семья, а там и дети. И все остальное, о чем мечтают молодые женщины, в чьи ближайшие планы входит простое семейное счастье.

Мы пришли вовремя, девушки как раз искали подходящих парней для семейной жизни. Подходящих пока не было, попадались лентяи, подонки и алкоголики, и подружки развлекались, как могли, ни в чем себе не отказывая. Молодость, вообще, редко себя ограничивает.

Нас встретили две милые хохотушки, у обоих в глазах по свадебной машине. Одна посимпатичнее, но без фигурки. Другая с фигуркой, но пострашнее. Состоялась классика парных знакомств. Они нас ждали и не разочаровались. Да и мы явились, как посланцы любви, у каждого по две бутылки полусладкого вина и по упаковке презервативов в кармане.

Подобные встречи проходят по незамысловатому сценарию. Сначала вино и закуски, затем песни и пляска в сторону постели, и снова продолжение банкета. И так по кругу день-два, если никто никуда не спешит. Через пару часов мы дошли до второго пункта. В доме нашлась плохонькая гитара, и приятель запел:

– Мечты сбываются и не сбываются, а всё хорошее и есть мечта!

Потом я сыграл песню собственного сочинения о печальном влюбленном, как он идет под шафе по вечерней улице

и грустит о далекой подруге. Девушкам понравилось, и они благосклонно меня приласкали. Потом гитару опять взял приятель, исполнил «Орландину», выпил стакан вина, сделал многозначительную паузу и взялся за «Wild thing» да так громко, что соседи в такт застучали по батарее. Тогда подружки забрали гитару, включили магнитофон и стали подпевать своим слащавым кумирам. Потом пустились в пляс, раззадориваясь, пока снизу не пришел сосед и не сказал, что убьет нас, если не уgomонимся. Мы немного покуражились, но вовремя успокоились. Сходили еще за вином.

Пока приятель кому-то звонил, подружки присели ко мне на колени, чтобы я мог рассмотреть их прелести и кого-то выбрать. Выпито было столько, что понравились обе – добрые простые, без амбиций, девчонки. Но все равно я чувствовал себя, как опьяненный Лот, соблазняемый дочками.

Телефонный разговор чем-то расстроил приятеля, включив в его голове режим самоуничтожения, он выпил еще – лишнего, порвал на мне рубашку и убежал. А я лег между подружек, похватал их за груди и уснул. А утром, пока девчата дрыхли, улизнул домой.

Несколько дней я откровенно скучал и думал о ней, вспоминая её руки, губы и глаза. Я думал о ней, когда погружался в ванную. Думал, сидя на толчке. Думал, помешивая похлебку. Думал, листая книгу. Думал, выглядывая в темное окно на улицу. Думал, снимая одежду и засыпая. Моё *frame of mind** (настроение) все это время было печальнее самой

печальной песни Брайана Ферри.

Когда я позвонил в конце недели, она сразу спросила:

– Ты почему так долго не звонил?

– Ты же сама сказала, звони в конце недели.

– Глупый, а ты не мог позвонить раньше?

– Мог.

– А почему не звонил?

– Не знаю, думал, ты все еще обижаешься.

– Я никогда не обижаюсь, это удел слабых.

– А какой удел у сильных?

– Быть вместе со мной, – сказала она и засмеялась. – Давай

встретимся.

Вечером мы встретились. Город сверкал огнями и потрескивал, как испорченная проводка. Увидев меня, она бросилась на шею и заговорила:

– Я вижу, ты скучал без меня, вот морщина, что легла от переносицы до лба, раньше её не было. Скажи, ты ведь часто думал обо мне?

– Каждый день, исключая праздники.

– И я думала о тебе. Хотя и не хотела этого.

– Почему?

– Я сразу чувствую людей, к которым могу сильно привязаться. И к тебе я сразу привязалась. Не переношу привязанности.

Она так и сказала, не переношу, как про непосильную ношу.

– Что плохого быть привязанным ко мне? – спросил я.

– Ничего, просто не переношу привязанности физически, – серьезно произнесла она и опять засмеялась. – Но с тобой, по-моему, придется смириться.

– Спасибо.

– Не за что.

– Хочешь куда-нибудь пойти?

– Если пригласишь.

– Ты знаешь, – засмутился я, – последнее время мало работаю, сижу дома и пишу, денег хватает, чтобы развлекаться в пределах квартиры. Я могу пригласить тебя к себе и накормить отличным ужином.

– А потом на несколько дней поселимся в твоей постели, пока ты не заведешь разговор о шлюхах.

– Ни слова об этом, – я приложил палец к губам. – Да, я кретин, но я понял, что с того момента, как мы встретились, началась другая жизнь. И я ей рад, даже если это...

Я замолчал, вдруг осознав, что слово, которое хочу сказать – правда.

– Если это что? – она внимательно выслушала моё признание.

– Даже если это наваждение.

– Почти всё в этом мире наваждение.

– Ну да, – согласился я, – и мы всего лишь часть общего наваждения, и встречаемся с друг другом, как призраки.

– Ты и правда кретин, – засмеялась она. – Поехали к тебе.

Оказавшись дома, мы толком не поели, а сразу забрались в постель. И накувыркавшись, уснули как убитые. Наша близость больше напоминала congressus subtilis (тонкое соитие), чем обычный половой акт физических лиц. Своими нежными касаниями мы вместе пытались смыть узоры, которыми она была покрыта от пряди у лба до кончиков разрисованных ногтей. Это были узоры лжи, и они проступали вновь и вновь.

Утром, глядя на её лицо, открытое сном для испытывающего взора, нельзя было не увидеть этих следов лжи, их не сотрешь, они как клеймо лильского палача. Чем больше я всматривался, тем больше находил признаков смерти и лжи, тем более страшную картину видел. Она говорила «люблю», а слышался тоскливый предсмертный хрип, она шептала «хочу тебя», а чудилось последнее издыхание. Неужели, спросив у мира светлой любви, я получил изъеденное мухами порока полумертвое тело с петлей на шее и биркой на ноге. Нежность моя превращалась в коросту, и остроклювые птицы земной любви садились на голову и метили прямо в темя, нанося мучительные и в то же время сладкие удары. Я понимал, что если горячее слово слетит с её влажных губ и вползет в мою ушную раковину, то я услышу жужжание мух, но все равно нежно улыбнусь и прильну к ней, чтоб вкусить яда.

– Что с тобой?! – воскликнула она.

Она не спала, а с испугом смотрела, как я гляжу сквозь

неё. Её крик вернул меня, зрачки сузились, и я увидел, что она мила, на её щеках играл румянец, и соски груди игриво смотрели мне в нос. Отогнав страшное наваждение, я обхватил её и принялся любовно иметь, что есть мочи. День так и прошел – на кровати, в ванной и на кухне.

Вечером она неожиданно вспомнила, что у неё в сумочке пригласительный билет для двоих на выставку миниатюр.

Мы успели за полчаса до закрытия.

В пустой на первый взгляд комнате была спрятана удивительная коллекция: караван верблюдов, бредущий в игольном ушке; муравей в десятки раз меньше спичечной головки и держащий в лапках серебряный ключик и замочек; такая же невидимая невооруженным взором блоха, скачущая в золотых подковках. В стеклянных саркофагах лежали и рисовое зернышко, исписанное словами из Евангелие, и томик «Евгения Онегина величиной с это рисовое зернышки.

Среди еле заметных чудес я вдруг почувствовал себя таким же маленьким чудом, сотворенным на маисовом зернышке, и судьбу мою не разглядеть даже через микроскоп. Жизнь на Земле предстала предо мной таинственным сгустком хитросплетенных судеб, и тот, в чьих руках находятся концы этих нитей, с поразительным хладнокровием пускает нас в ход, словно овощи на салат.

– Скажи, тебя не охватывает страх и безумие, когда стоишь одна перед холодной бездной жизни? – спросил я. – Когда она, не красясь, встает в самом мрачном наряде?

– Нет, – сказала она. – Я на редкость здравомыслящий человек. Для меня все эти холодные бездны и мрачные наряды – игры разума.

Я принял это как насмешку. Кто же устоит перед холодной бездной?

Возвращаясь, мы купили вина и стали пить его прямо в дороге, хихикая и щиплясь. Дома мы разгоряченные набросились друг на друга прямо в прихожей. Нами овладела страсть, мы воплощались друг в друге, словно безумные божества, нашедшие своё отражение и пытающиеся слиться с ним. Если бы в этот момент мы слились в одно существо, то все многоэтажное здание под нами рухнуло бы в тартарары от вопля нашего торжества. А родившийся двуглавый монстр стартовал бы напрямиком в другую галактику к созвездию Жирафа.

До утра мы искали лазейки в наших телах. Можно сказать, это была незабываемая ночь. Но это была всего лишь мокрая воспаленная вечность, искромсанная бритвами горячих тел.

Утром, поссорившись из-за пустяка, мы расстались.

Проходили дни, мы то теряли друг друга, то находили – и это опустошало нас. Однажды она так и сказала, что в нашей любви нет обмена энергиями, каждый старается прихватить побольше. Мы встречались от случая к случаю. Иногда не виделись неделями. Она ездила в гости к своим прежним любовникам, а я гулял с хулдрами, не веря, что в моей жизни есть что-то, чего не коснулось семя лжи.

В следующий раз она пришла сама. Обрадовавшись её приходу, я сбегал за вином. Пока я готовил ужин, она спокойно сидела в кресле и со смехом рассказывала о своей новой работе. Она торговала надгробиями и памятниками.

– В нашей конторе живет привидение, это так ужасно. Я не могу долго оставаться там одна. Говорю об этом хозяину, а он думает, я на что-то намекаю, и пристаёт ко мне. А он, фу, жирный и противный.

– Пусть держится от тебя подальше, – сказал я, кромсая ножом лук.

– Представляешь, с утра до вечера хожу среди каменных плит, а на них имена и даты жизни.

– Так и самому недолго стать привидением, – слеза скатилась по моей щеке.

– Работа близко от дома, платят немного, зато можно читать целый день.

– Что читаешь?

– Никакой художественной литературы, – многозначительно заявила она, – только конспекты с лекций Хосе Аргуэльеса.

– Ммм, – уважительно промычал я. – И что там?

Читая лекцию о солнечном календаре мая, она потихоньку накачивалась вином.

Когда я подавал ужин, её глаза блестели, словно две звезды Антарес. Я забеспокоился, когда она, расплескивая, налила себе полную кружку вина и, не обращая на меня внима-

ния, выдула половину. Опынев, она стала дико смеяться. У меня смеяться не получалось, я наблюдал, как разум покидает её. Черты лица стали, как у больной лихорадкой, зрачки по-кошачьи расширились, и вдруг она ударила меня по губам и завизжала, что есть мочи. Наверняка уши заложило у соседей за стенкой и этажом выше.

– Не сходи с ума! – строго посоветовал я.

Подобный совет с таким же успехом можно было дать и торнадо, чтобы успокоился.

– Я тебя ненавижу! – закричала она. – Ты умеешь только впихивать свой член!

– Что ты несешь?! – завелся я. – Замолчи! Сумасшедшая!

– Думаешь, ты такой особенный! Ты – никто для меня! Да, я – шлюха, да, я е*** со всеми подряд! Как тебе такой сюжет?!

– Чертова сучка! Ты же вампир! Адское создание! Тварь! – Я вскочил.

Она схватила со стола бутылку и замахнулась, бутылка разбилась о стену за спину, осыпая обезумевшую любовницу осколками. В руках осталась «розочка» – отличное оружие для пьяных драк.

Она просто кипела от ярости.

– Педрила! – беря на пару тонов выше моего, завывла она. – Да от тебя самого места живого не останется. Ты жалкая мразь, тебя трахнут в жопу, сосунок!

Она перла на меня, как товарный поезд, размахивая хо-

лодным оружием. Честно говоря, меня не прельщала перспектива украсить картину своей кровью и лечь жертвой на алтарь любви. Уворачиваясь от её неверных движений, я дал себе слово – никогда не связываться с истеричными алкоголичками. Было страшно и весело одновременно. Страшно от уверенности, что кто-то выйдет из схватки покалеченным. А весело потому, что со стороны это напоминало шоу неврастеников. Кто бы мог подумать – я стал его постоянным участником.

Однако веселье скоро прошло, потоки злобы подкосили мои ноги. Она выплевывала на меня весь свой яд, говорила ужасные вещи. Я не мог сопротивляться, меня разрывало на части от каждого слова, перемешивавшего внутренности в кашу, словно пуля со смещенным центром тяжести. Нанося раны, она получала удовольствие, моя энергия тихо перемещалась в её солнечное сплетение. И как напившийся вампир, она, вскинув отяжелевшую голову, удалилась.

Скорчившись, выжатый до кожуры, я лежал посреди коридора и нюхал куски грязи, отвалившиеся от высоких подошв её криперов. В доме не было ни капли выпивки, ни звука, ни одного живого человека.

Кое-как я выполз на улицу, не собираясь подышать без глотка вина. В ночном магазине я увидел её. Она убалтывала пузатого дядьку с кейсом под мышкой. Тот криво поулыбался и купил ей бутылку ликера. Меня вынесло, как ядро из пушки.

Они прошли мимо. Домой я добрался пьяный грязный и рухнул на кровать. Это была тяжелая ночь. Мертвая сторона вечности присела на грудь. Я был один, истерзан и в полной мере оценил: *nox et solitudo plenae sunt diabolo* (ночь и уединение полны злых духов). Тьма окутала меня, и я не покончил самоубийством лишь потому, что двигался с превеликим трудом.

Прошла недели две. Сознание успокаивалось, вернулись аппетит и сон. И все было бы хорошо, если бы я снова не свалил дурака.

Они пришли вчетвером. Самой пьяной была она, с ней мой приятель, у него под боком подружка на ночь, и с ними еще какой-то южанин из тех, кто рулит фруктами на рынке. Оглядывая моё жилище, похожее на собачью конуру, он не понимал, куда его привели. Мужика подцепили буквально у моего дома, и он, купив вина и сигарет, заявился с твердым намерением кого-нибудь отыметь.

Они ввалились, как к себе домой. Она была проспиртована, дай ей дыхнуть на зажженную спичку – весь дом взлетел бы на воздух. Я пробовал их выгнать, но они меня не замечали. Чрезмерная дружелюбность – мой враг. С мыслью, что рано или поздно это закончится, мне удалось заснуть. Глубокой ночью я открыл глаза и услышал, как они возятся на кухне, южанин домогался, она вяло сопротивлялась. Когда я вошел, он уже болтал членом возле её носа, а она со смехом увиливала. Она лишь криво усмехнулась и спросила:

– Где же ты был все это время?

Южанин нехотя надел штаны. Я вывел его в коридор. Он был готов драться. Но тут на кухне что-то упало. Без присутствия людей её сознание отключилось, и она валялась на полу, как сломанная кукла.

– Ты жива, Суок? – спросил я.

С помощью горячего соблазнителя я забросил её тело на диван. В соседней комнате свою полуживую куколку тихо трахал приятель. Скорее всего, он был также невменяем и делал это по привычке. Я находился среди странных людей, их трудно было назвать отбросами общества. Они умели цвести и пахнуть. Но чувствовал я себя, как на помойке, среди гниющего мусора. Если бы не присутствие южного ловеласа, я бы сблевуул прямо на пол.

– Странные вы люди, – уходя, сказал южанин, – я бы никогда не жил с женщиной, которая позволяет себе такое.

От дуновения Божия погибают, от духа гнева Его исчезают. Чем я прогневал Его? Чем прогневал Ян Кертис, затянувший удавку на шее, напевая: «love will tear us apart again...» Я прилег рядом на диван. Она завозилась, увидев кошмар. Завтра она ничего не вспомнит, будет смеяться и удивленно махать руками, и еще одна печать лжи тенью ляжет на её лицо. И тут я почувствовал, как мой член, уловив дыхание её влагалища, вытянулся в струну. Ему было наплевать, что думаю я. Когда встает член, Бога нет. Её чрево тоже уловило моё желание, и не успел я зевнуть, как она сама наделась на

меня, так и оставшись лежать ко мне спиной. Её тело изогнулось и задрожало. Решив, поставить точку в игре, я выплеснул в неё вместо семени поток серной кислоты, впрочем, совершенно безобидной для её внутренностей. Она даже и не поняла, кто это был. Опустошив себя, я успокоился, понимая, что не меньший безумец.

Она лежала рядом, а я разговаривал с её бездыханным телом:

– Только не говори, что наша любовь была похлебкой, и насколько первые ложки были горячи, настолько последние холодны до отвращения. Это не так, бл**!

Она засопела в ответ.

– Никто не поймет, что произошло между нами. Мы и сами вряд ли поймем. Но такие уроки любви не проходят бесследно, я выучил наизусть боль и страдания. А ты уже давно знаешь, как избавляться от привязанностей. Нам нечего больше преподать друг друга.

Высказавшись, я удовлетворенно замолчал. Потом принял душ, оделся в чистое и вышел на улицу. Звезды над головой с любопытством наблюдали за мной, я поговорил и с ними:

– Эта была любовь? Это была любовь. Но не та любовь, что спасла бы меня. А та, которую нужно спасать. Это была любовь, которая растерзала меня, раньше, чем я успел мяукнуть.

Я опустил голову. И она пала, как тяжелый чугунный шар,

и покатила, как в боулинге, сбивая прохожих, дома и трамваи. Она катилась через весь мир, каждый миг, увеличиваясь, словно снежный ком. Впитывая всю его тяжесть, боль и отчаяние. Она сошла с земной орбиты и, преодолевая гелиоцентрические расстояния, пронеслась через Галактику к созвездию Южного Креста и обратно к созвездию Лебедя. И возвращалась туда, где начала свой путь, распухнув от чувств и мыслей.

Любимая, не жди меня этой ночью, этой ночью я буду глядеть на другую звезду.

В
Vene dignoscitur, bene curatur
(Хорошо распознается, хорошо вылечивается)

Любовь всегда с веселым хрустом перемалывает наши кости ради нас самих. Она наваливается со всей силой, подминает, размазывая по жизни, как масло по бутерброду. Проси пощады, вымаливай прощения – ей всё равно, она без устали будет наносить раны одна глубже другой. Оттуда брызнет не кровь, а соленый океан.

Думаешь, тебе больно? Нет, брат. Любовь не причинит боли. Любовь – не боль, а высокое-высокое напряжение. И если не смог пропустить её через себя, подставился под силу, которая проходит через миры, разгоняя тьму, демонов и космические корабли, то почувствуй, каково всему, что стоит

на её пути.

У любви нет ни боли, ни обиды, ни ревности. Они производные лжи и смерти – это темный фундамент распада жизни. Мы чувствуем боль и умираем настолько, насколько не бываем истинными. Все наши трудности легко объяснимы. Они от недостатка любви. Любовь отправляет людей под пули, лавины и колеса. С одинаковой радостью она опускает на ладонь бабочку и пускает пулю в лоб. И ей мало, всё мало. Её нежность заставляет дрожать, плакать и задыхаться. Тебе покажется, это боль кромсает твое тело и душу, а на самом деле это любовь нежно целует тебя.

Разве не любовь направила пулю Дантеса прямо в цель? Разве не любовь перекрыла дыхание Джими Хендрикса? Разве не любовь остановит завтра твое сердце? Почему она поступает так? Потому что мы слишком смиренно несем бремя времени, и по-другому с нами нельзя. Страдания – это не более чем игра воображения, они реальны только во времени.

Каждый день стрелка компаса моего сердца искала магнитный полюс любви, а находила окаменелости бронтозавров, ползущих через вечность к последним теням мира. Припасть пересохшими губами к источнику любви и пить из него бесконечно. Вот была моя мечта.

Летом в горах у озера я познакомился с женщиной. Но опять не повезло, я запал по полной, она же лишь позволяла таскаться за ней, как собачонке.

– Что мне делать? – спрашивал я приятеля, напиваясь с

ним в придорожном кафе среди проституток и дальнобойщиков. – Я влюбился до безумия, а она только хвостом вертит.

– Может, спойть её и невменяемую затащить в постель. А? – сразу предложил приятель.

– Думаешь, надо действовать решительнее?

– Конечно. Я вчера зашел к знакомой. Хотел занять червонец на автобус. Подыхал с похмелья. Она сама замужем, а я когда-то ухаживал за её дочкой. Мапочка тогда посчитала, что я староват для доченьки. Расстались. И чё я к ним пошел? Ну да, ближе некуда. А с похмелья стояк такой, что штаны разрывает. Иду, и ноги об член заплетаются. Открывает она дверь, и так вопросительно смотрит; она молчит, и я молчу, и вместо того, чтобы деньги спросить, хватить её и взасос. И тут же прямо в коридоре отымел. Только кончил, а она меня уже за дверь выталкивает. Стою в подъезде, ширинку застегиваю, голова кружится, и думаю, что же это было-то...

– Любовь, короткая, но взаимная, – засмеялся я. – Червонец взял?

– Не, пешком добирался. Вот такое с добрым утром до колен, ха-ха, – поддержал приятель.

Мы сидели, разглядывая проституток. Их оголенные ляжки и бедра напоминали размороженные полуфабрикаты.

– А может тебе плюнуть на твою бабу, – предложил приятель. – Сам подумай, она тебя не любит, ты себе впустую голову забиваешь.

– Хорошо бы...

– Она живет одна?

– Одна.

– Поверь, я знаю таких женщин, они холодны и расчетливы. Зачем ты ей, у тебя ни гроша за душой. Ты хорош, когда веселый и при деньгах, а загрустишь, молоко скисается. Езжай в столицу, сделай себе имя, сколоти состояние, и вернешься победителем.

– Лет так в сорок.

– А то и в пятьдесят, – засмеялся приятель.

Пошучивая, мы напились в компании придорожных шлюх. Ночью я нашел телефонную будку, разбудил женщину и стал допытываться, как добиться её любви. Она недолго терпела мою болтовню, посоветовала лечь спать и положила трубку.

На следующие выходные я пришел к ней в гости. Она очень много работала, и застать её можно было только в воскресенье.

– Как поживаешь? – спросил я.

– Нормально, живу. Зарабатываю на самостоятельную жизнь. Люблю комфорт.

– Устаешь?

– Да, но ты же знаешь, я трудоголик.

Я задавал вопросы, но меня интересовало только одно – кто я для неё. Трубадуру Раймбауту Оранскому его дама позволяла лишь трогать тыльной стороной руки её голую щико-

лотку. Мне даже это не светило.

Она была умопомрачительна. Глядя на неё, я награждал её самыми невероятными качествами. Будто знал её тысячи лет, и именно она посвятила меня в тайны первых деревьев и трав. Мир был лишь её тенью. Эта женщина не принадлежала никому. Каждый, кто потом пытался вспомнить её, вспоминал лишь белую птицу, летящую вдоль широкой реки. Если она не спала ночью и глядела на небо, появлялись новые созвездия. Любой, кому она пожимала руку, на долгие годы оставался счастливым; удача отворачивалась, если он трижды осквернял руку семенем, кровью и чужой слезой; чтобы вернуть удачу, нужно было прижечь ладонь от церковной свечи, зажженной с её именем.

Выпив, я спрашивал:

– Ответь на один вопрос. Как ты живешь в мире? Какое имеешь отношение к людям, к их суете? Ты же богиня.

– О чем ты? Я обыкновенный человек. Это ты меня обожествляешь.

Она привыкла к моим признаниям, последнее время я чаще делал их по телефону и в письменном виде, запечатывая в конверт и пересылая почтой.

Глядя на неё, я думал: «Неужели кто-то доводит тебя до оргазма. Хотел бы я пожать руку этому человеку. Навязался бы ему в приятели, а потом придушил». Готовый вылить на мир столько тоски, что в нем сдохли бы даже микробы, я слабо надеялся, что руку придется пожимать самому себе.

Я жил не в ладу с действительностью. Единственная любовь держала меня на расстоянии, давая лишь убедиться в том, что она есть. Скажи она, не сходи с места еще тысячу лет, и я бы превратился в дерево под её окном. Я не был робок с другими женщинами, но рядом с ней преображался и говорил себе: «Разве можно махать хером перед лицом богини? Должен быть еще способ войти в её сердце». Прикоснись я к её обнаженному телу, меня бы убило, как разрядом тока.

Но какими бы волшебными эпитетами я её не наделял, я всегда понимал, что на самом деле нас разделяло. Она обладала трезвым умом. Она верила в материальность мира. Она верила в работу и деньги. В то, что никто не способен избежать участи им принадлежать. И чем-либо удивить её было практически невозможно. Даже если чудо будет потрясающим, она позабудет его, как только её ладонь коснется чего-нибудь материального и более плотного, чем чудо. Я же, напротив, считал, что именно материальное ломает нам жизнь. Работа. Деньги. Семья. Общество. Ты должен! Ты обязан! Подобные обстоятельства – одно из величайших надувательств, механизмы лжи. Они так легко и нагло перекраивают нашу жизнь, что кое-кто лишь на смертном одре и догадается, как его жестоко надули, предоставив возможность довольствоваться лишь тенью от жизни, держать в руках счищенную кем-то кожуру.

Несколько месяцев я её не видел. Чтобы как-то подняться над реальностью, я стал сочинять рассказы, вернее записы-

вать все, что со мной происходило. Однажды в мою дверь постучала незнакомая женщина. Увидев меня, она удивилась также как и я.

– Вы кто? – первая спросила она.

– Я живу здесь.

– А бывший хозяин?

– Не знаю, я снимаю квартиру третий год

– Странно, – сказала женщина. – Можно позвонить от вас?

– Проходите, – пригласил я.

Набирая номер, женщина смотрела на ворох исписанных бумаг.

– Вы пишете? – положив трубку, спросила женщина.

– Что? – не понял я.

– Вы писатель, журналист?

– Начинаящий, – игриво проговорил я.

Женщина мне понравилась, молода, обаятельна и с хорошим телом. Наверное, она считала себя натурой творческой. Заглядывая мне в глаза, она мягко сказала:

– Давно мечтала познакомиться с писателем. Дайте хоть одним глазком взглянуть на ваше творчество.

Я наугад взял со столика листок. Гостья его схватила, как рыба наживку, и стала читать вслух, видимо, полагая, что тем делает мне приятно:

– Вглядитесь в вашу жизнь, вслушайтесь в ваши чувства. Возможно, то, чем вы жили и продолжаете жить, и не жизнь

вовсе, а непрерывное ощущение смерти. Эти мысли и чувства, цепляясь за механизмы лжи, не дают радости истины пробиться к вам. Сбросьте это ярмо, и путь к победе над временем будет положен. Конечно, время скоро почувствует, что вы ускользаете из его сетей, и удесятерит свою ловкость. Но стоит ли бояться, когда впереди свобода и любовь. Найдите свою женщину, найдите своего мужчину, найдите любовь ради любви, соедините ваши сердца и пусть они станут сердцем великана. Это и будет сердце новой жизни...

– Неплохо! – восторгалась женщина – Что это будет роман или рассказ? И о чем там пойдет речь?

– Неважно. Все слова и сюжеты написаны о любви. Даже если в сборнике задач по математике или физике вчитаться между цифр и формул, то станет понятно, что авторы вписывали их с мыслью о любви.

– Здорово! – восхитилась женщина. – Вот вы и говорите, как настоящий писатель.

Женщина поправила волосы и приятно улыбнулась. Она явно не собиралась уходить, а хотела что-то предложить. Что может предложить женщина, известно. И это очень мило с её стороны. Большое спасибо, Женщина! От вас, от меня, от того парня за стенкой.

– Можно еще листочек? – спросила она.

– Тяни сама наугад.

Вытянув, женщина стала читать:

– Можно жить, как хочешь, изображать из себя кого угод-

но, хоть трубадура, хоть короля чеснока, хоть паука с Марса. Человек, находящийся на уровне самосознания, может увидеть себя во всех главных измерениях. Всё уже есть. В этом нерушимость мира. Правда, существует некоторая размазанность будущего, и в этих пределах может быть осуществлена коррекция, однако будущее уже зафиксировано, и связь через время мгновенна. Только поэтому вселенная нечто целостное, и мы в ней живые нити, связывающие эту целостность.

Узнав обо мне самое интимное, женщина ушла утром, пообещав любить и помнить. Ушла. И больше я никогда её не видел. Но запомнил, как она была нежна со мной. А так ли уж часто наша суровая жизнь нарушается нежностью? Не инстинктом, а нежностью, что идет от матери, от любви к жизни, к детям, к деревьям, к цветам и солнцу.

Я научился пребывать в гармонии, но случались дни, когда все рушилось от мысли, что мне нужна любовь одной единственной женщины. В такие дни я бегал пьяный по дому и не знал, где приткнуться, хватаясь то за голову, то за пенис, то за гитару. Отбрасывая гитару, я подбегал к двери. От мысли, что там за ней столкнусь с вереницей людей, спокойно и уверенно идущих по своим делам, приходил в ярость, пинал дверь и со слезами отчаяния падал на кровать. Но это был опыт, в тетради с рассказами я записал: «Человек существо противоречивое. Зная правила истинной жизни, поступает наоборот и, раздавая гнилые зерна лжи, имеет лишь

мучительную жажду жизни».

Мир дышал моими легкими и, когда я задышался, он задышался вместе со мной. А когда я правильно понимал зов, что без конца звучал во мне, он помогал разорвать змеиный обруч времени и пространства. В такие дни я шел спасать мир, все во мне дрожало от радости. Наполненный легкостью и силой, я хотел поделиться ими с каждым сердцем. Я кружил по городу, словно танцуя и призывая всех танцевать, танцевать, танцевать. Было удивительно, как я мог жить по-другому. Еще мгновение, и весь мир шагнет вместе со мной навстречу вечной радости. В таком состоянии, готовый покорять пространство и время, я купил билет до столицы.

Я зашел к ней проститься. У её дверей я подумал, что уезжаю, чтоб был повод повидаться сейчас и потом, когда вернусь.

Она завела себе черного котенка.

– Я называю его сынок, он такой милый, – счастливо улыбалась она.

Улыбался и я, глядя на «сынка», прыгавшего по мне, как обезьянка.

За бутылкой вина мы мило болтали о пустяках, смотрели кино, смеялись. В полночь я засобирался.

– Надолго уезжаешь?

– Как получится.

– Не теряйся, – мягко проговорила она.

Я ощутил себя эдаким пролетарием от любви и поэзии.

Если бы я лопотал по-французски, так бы и сказал: «je ne suis donc qu'un prolétaire», и от лица Маяковского добавил: «Быть пролетарием – грядущее любить, грязь подвалов взорвавшее – верьте». В общем, хорошо звучало – пролетарий любви. В моем случае это тот, который исправно заходить поглядеть, как поживает его муза. А она вполне хорошо поживает без влюбленного в неё поэта, но все равно ему шепчет: «Не теряйся..»

– Постараюсь, – буркнул я. – Как бы тебе не пришлось искать меня, как искали Дэвида Пейна у индейцев.

– Кто это?

– Герой рассказа Джека Лондона. Почитай на досуге, скво. Меня не было полгода. В столице я безуспешно пытался сделать имя и сколотить состояние. Я писал ей и звонил, но выходило так, что пишу и звоню самому себе. Она меня не любила. А я никак не мог избавиться от привязанности, каждый день мысленно обращаясь к ней.

– Хочешь, я займу тебе денег, – предложила она в телефонном разговоре, когда я рассказал о попытках пристроить рассказы. – Мне очень хочется, чтобы тебя напечатали.

– Спасибо, – удивился я. – Надеюсь, деньги заплатят журналы.

Её неподдельное участие тронуло, я даже подумал, что она соскучилась. Эта мысль так овладела мной, что я решил вернуться.

Моё появление её даже не удивило. Ничего не измени-

лось, только кот заметно подрос. И еще она подсела на сериал «Друзья», на стенах висело несколько фотографий Мэтью Перри.

– Самый лучший – это Чендлер, – восхищенно убеждала она. – Сейчас он дружит с Моникой, а раньше дружил со всеми подряд. Я не пропускаю ни одной серии! Пока я на работе, новая серия пишется на видео. Прихожу с работы и смотрю.

– Сходишь с ума от одиночества? – тревожно спрашивал я.

– Почему? Меня этот сериал вытягивает из серой повседневности в иную волшебную жизнь.

– А я подсел на жизнеописание трубадуров. Мне кажется, я был присяжным на судах любви средневековья и выносил осуждающий приговор тем, кто шел против влюбленных.

На день святого Валентина я достал из груди пухлое розовое сердечко, взял сладостей, приготовил два четверостишия о не разделенной любви и пошел к ней.

Она открыла дверь с котом на руках, у животного глаза были стеклянные, ничего не видели, да и она носом шмыгала так, что слеза наворачивалась.

– Сынок заболел? – расстроился я. – Или умер кто?

– Сегодня мы были у ветеринара, – призналась она, – теперь он не мужчина.

– Как?! – не поверил я.

– Вот так! Чик и всё.

– Что ж ты котам яйца отрезаешь? – с негодованием спросил я. – Нельзя так!

– Можно. Так лучше ему, и мне, – надув губы, сказала она.

– Чем?

– Я буду спать спокойно, а он о кошках меньше думать.

Врач сказал, так сейчас поступают с семьдесятю процентами котов.

– Значит, счастливы только тридцать процентов котов, – не унимался я.

– Перестань! – приказала она.

Постоял я, потоптался в дверях, достал сердце. И тут мой мозг пронзила безумная мысль – а ведь и моя любовь к ней кастрированная. Это знак. Я прихожу в гости на День всех влюбленных, а меня встречают котом без яиц. Мои сердечные дела запутались в конец.

Вздыхнул я и даже проходить не стал, только сердце и сладости отдал. Только сердце не то, которое из груди, а другое запасное, плющевое.

– А я не ем сладкое, – сказала она, складывая сердце и шоколад на полку. – Слишком много калорий.

– Да это и неважно теперь, – сказал я.

И ушел.

Брел я по улице, а внутри так противненько и грустно, что кишки от слабости на сердце наматываются. И еще кастрированный кот с ошалевшими шарами перед глазами стоят, точно моё отражение.

Зашел я в аптеку, купил настойки послабее, чтобы на травах была и успокаивала. Пиона, кажется, или овса. И прямо там же весь пузырек и сглотнул.

И, вроде, успокоился, лучше стало. Я даже аптекарше подмигнул. Мол, не дрейф, фармацевт, прорвемся. И откусанным гематогеном ей помахал.

– Мужчина, вам здесь не закусочная, – сказала она с неприязнью. – Уходите.

Ну я и ушел.

На улице потеплело. Снег повалил. Я стоял у подземного перехода и курил сигареты одну за другой. И вдруг глянул на проезжавший мимо троллейбус. А там за окном женщина лицом похожа на ту, от которой я только что вышел. И она так посмотрела на меня, словно не видела тысячу лет, и никак не может узнать. Меня даже парализовала на время от её взгляда. Вот оно видение другой счастливой жизни! Вот она та, которую я искал!

Я бросился следом за троллейбусом, трагично вытянув руки вперед. Сделал всего шагов пять, поскользнулся и упал. И так ударился затылком об лёд – чудом не насмерть. У меня даже в глазах потемнело, и круги пошли тёмно-фиолетовые с искорками.

Долго я лежал и ждал, пока меня добьют. Ведь нельзя жить с таким хроническим невезением в любви. Как дальше жить, когда мимо собственное счастье проплывает. И на чём? На старом безмозглом троллейбусе.

Но никто меня добивать не стал. Не нужен я никому. Полежал я, поднялся и пошел себе дальше. Только и подумал – если еще пару лет так протяну, и то хорошо.

Влюбленный дурак, что может быть хуже и глупее. Влюбленный в кого? В женщину, отрезавшую своему коту яйца.

Эта мысль доконала меня, я стал понемногу опускаться. И так я жил убого, снимая угол в трущобах – кровать, стул и подобие письменного стола. На одной стене карта Мадагаскара, помеченная двумя крестиками в северной оконечности, внизу надпись «orbis stagnat paludibus» (мир затоплен болотом), на другой портрет сорокалетнего Генри Миллера в шляпе и очках, рядом плакат Нормы Джин в полный рост без шляпы и платья. Я смотрел на них и не верил, что вскоре поправлю свои дела. А теперь и вовсе отпустил надежду на лучшие времена.

Опускаясь, я запил и стал жить, словно в мусорном бачке. Всюду обрывки бумаги, пустые бутылки и остатки трапезы. Крыс я теперь видел не только внутри, но и снаружи. Перетаскав из души алмазы, они взялись за объедки, валявшиеся в доме. Я швырял в крыс бутылками, а по ночам спал в руках с палкой, чтобы ударить ту, что попытается взобраться на меня.

О любимой женщине я старался не думать, водил домой шлюх повеселее, и не ради того, чтобы залезть под юбки за куском благоухающей мохнатки. А ради иллюзии женского общества. Потолковать о любви, о мире, сойтись во мнении,

что он полон дерьма.

Лишь однажды пьяный, забывшись, я позвонил ей. Она обрадовалась и спросила, почему я не звонил и не заходил.

– Тебе ли не знать, – развязано заявил я, – я слишком влюблен, чтобы быть рядом и понимать, что ты недоступна.

Тон её изменился, охладел, она рассчитывала на светскую беседу, а тут старая песня влюбленного ипохондрика.

– Слышишь меня? – спросил я у замолчавшей трубки.

– Слышу, – коротко ответила она.

– Так вот, сейчас я ни жив, ни мертв, но скоро я займусь тобой по-настоящему, не думай, что ты отвертелась.

Она положила трубку.

– Ты еще потонешь в моем сердце, как в море, тебе просто некуда будет деваться, – говорил я, не обращая внимание на пиканье. – Ты еще пожалеешь, что так обошлась со мной. Да пошла ты!

И плюнул в трубку.

А потом я неожиданно выдохся – и пить устал, и со шлюхами путаться. Нашел тощую работенку, стал жить, будто я – совсем не я. Утром встану, гляну на свою рожу, и меня воротит. Просто жить не хотелось, сидел по часу в ванной, думал, может, кондрашка хватит, и тут же концы отдам. Потом понимал, что не скоро еще, и вылезал. На работу я приползал с опозданием, пока не уволили. Но денег я скопил немного, и забился в своем уголке, будто и не было меня. Как говорится, тянулись тихо дни мои, без слез, без жизни, без любви.

Зато книги хорошие у меня всегда водились, я стал читать запоем. Стриндберга историю безумца, нянькавшегося со своей такой же безумной женщиной. Черную книгу Памука о Галипе и Рюйе, проникся историей Наследника, заявлявшего, что самая важная проблема для человека – это возможность или невозможность быть самим собой. Наследник говорил, что любая женщина, привязывая к себе, нарушает чистоту мыслей и тем самым оставляет проблему быть или не быть собой открытой. Перечитал Миллера, Буковского и Чернышевского, запомнив его замечание о любви: «тревога в любви – не самая любовь, – тревога в ней, когда что-нибудь не так, как следует быть, а сама весела и беззаботна». Весела и беззаботна, вот сука, надо же было такое придумать. Иногда я использовал книги, как руны, открывая наугад:

Большими глотками я глотаю пространство.

Запад и восток – мои, север и юг – мои.

Я больше, чем я думал, я лучше, чем я думал.

Я и не знал, до чего я хорош.

Я думаю, я могу сейчас встать и творить чудеса.

Я думаю: что я ни встречу сейчас на дороге, то полюбится мне.

И кто не увидит меня, тот полюбит меня.

И кого я не увижу сейчас, тот будет счастлив.

Прочитав однажды это у Уитмена, я захлопнул книгу, словно увидел что-то запретное, быстро оделся и побежал в магазин за вином. Но у прилавка одумался. На самом деле я

просто не знал, куда приткнуться. И вдруг кто-то осторожно тронул меня за рукав, я обернулся и увидел знакомую медсестру. Вид её был вызывающе цветущий и счастливый. Когда-то она призналась, что любит меня, но я не ответил на её чувства.

– Привет, – обрадовалась она.

– Привет, – через силу улыбнулся я.

– Что-то тебя не видно нигде?

– Я ушел в подполье.

– Это не похоже на тебя.

– Я стал другим.

– Правда или шутишь?

– Мне не до смеха.

– Да, выглядишь, словно тебя подменили. Нигде не бываешь?

– Нигде.

– Хочешь, давай сегодня куда-нибудь ходим вместе, развлечемся.

Мне надоело, чтобы жизнь моя текла, как Флегетонт угрюмый, и согласился. Мы вышли из магазина, строя планы на вечер. И получилось так, что не только тот вечер, но и последующие мы провели вместе. Она еще любила меня и готова была отдаваться без остатка, ничего не требуя взамен. Поэтому я и решил, что буду счастлив с ней.

Она понимала меня с полуслова, верила моим небылицам, и я с удовольствием рассказывал:

– В городе Булуре женщины влюбляются только в чужеземцев. С мужчиной, в которого влюбятся, легко ладят и бывают ласковыми. В местных мужчин они никогда не влюбляются. Самое интересное, что когда чужеземец, который ей приглянулся, собирался уходить, женщина прибегала к особой уловке. По мере того, как мужчина уходил от неё все дальше, его фаллос становится всё длиннее. И достигал пяти-шести локтей. Конечно же, чужеземец пугался и от бессилья что-либо исправить возвращался назад. А когда возвращался, фаллос сразу становился прежним. И мужчина не мог уйти, пока женщина сама того не хотела.

Выслушав эту историю, она решила, что и я не смогу её покинуть. Я ходил, улыбаясь самому себе, и твердил, как в старых плутовских романах: «сомнений нет, мне суждено либо быть повешенным, либо жениться». Но оказалось, что я все-таки расположен к первому, чем ко второму.

Есть люди, которым все нипочем, они не расстраиваются из-за не разделенной любви, они находят счастье в том, что есть и, главное, они берут всюду, что им нужно, и никто не в силах отказать им. Судьба благословила их на такую жизнь, и они всюду пользуются её дарами. Другие же находят страдание и боль даже там, где их нет. Влюбляются в тех, кто сводит их с ума. Неудачи валят их с ног. Они теряют последние монеты, путают правила игры, пропивают свои таланты и умирают. Таких людей считают убогими, но мало, кто понимает, что и среди них живут ангелы.

Если бы знать о себе чуть больше. Особенно в тот момент, когда дотянулся до истины и положил её мимо кармана. Я думал, что смогу жить и с уверенностью смотреть в завтрашний день. Но я поспешил назваться сильным. В один из вечеров мы с медсестрой вернулись с прогулки, и я увидел в зеркале другого человека. Он делал отчаянные усилия казаться счастливым. И я понял одну вещь. Кто бы ни искал тебя, кого бы ни искал ты, всегда встречаются те, кто нужнее друг другу. Те, кто должны обмениваться чем-то понятным только им. Можно носить любые костюмы и маски, но кто ты на самом деле, может объяснить одна встреча с тем, кому ты нужнее.

Нам уже давно не надо обмениваться адресами и обещаниями новых встреч, мы давно уже стали частью друг друга. Мы давно уже идём по одной дороге. Мы не дорожим этим знанием, оно слишком простое для нас. Я смотрел в зеркало и понимал, как долго буду разделять близость с теми, кто ищет меня, а не тех, кого ищу я. И вряд ли что-то изменится, даже если я последую примеру трубадура Гильема Балауна, оторвавшего в доказательство любви ноготь большого пальца на глазах у возлюбленной. Зеркало пошло трещинами от моего напряженного взгляда.

Долго я не мог уснуть, лишь под утро пригрезилось видение, схожее с картиной Босха или Брейгеля. Такие одолевали святого Франциска и отважных дельфийских мистиков. Я увидел остроклювую яркоперую птицу, клюющую в глаз спящего льва. Рядом в густой траве хорек или мышь пыта-

лась разгрызть последний орех, упавший с ветвей каштана. Пейзаж зимнего леса, где спал лев под темным покрывалом вечернего неба, по нему летели демоны разных мастей, среди них более-менее приятные и совсем безобразные. Птица, севшая на льва, была из их компании.

Видение затягивало, и я чувствовал, как начинаю входить в тело льва, будто спускаюсь в глубокую пещеру с факелом. Вокруг прыгали странные тени, и холод охватывал душу. Понимался угрожающий гул. Он нарастал, словно гигантская лавина, закладывая уши. Потом последовал мощный взрыв. С таким звуком из-за угла дома появляется похоронный оркестр. Сначала я и не понял, что это было. Даже подумал, что в соседний дом врезался самолет с террористами. Но в наступившей тишине понял, что внутри лопнула струна жизни.

Все взрывы одинаковые, любой – следствие напряжения, заключенного в непримиримости хаоса и гармонии. И неважно, упал от взрыва небоскреб в центре города или что-то рухнуло в одинокой душе, подорванной страданиями. Где произошел взрыв неважно, в голове или на лужайке перед домом. Ибо его причина в одном – нас приучили бороться с чем угодно и когда угодно. За жизнь, за деньги, за любовь. Нас приучили к мысли, что просто так ничего не дается, необходимо сражаться за место под солнцем. Может, эта наука – лишь дьявольский плащ, накрывший нас? Стоит его сдернуть, и мы увидим, пред какими ужасными ликами демонов находимся, и что это за взрывы на самом деле. По-

ка мы настроены бороться, нести потери и побеждать, отступить и атаковать, ничего не измениться. Чтобы не прозвучал ни один взрыв, исчезло напряжение, нужно другое, нежели готовность и умение сражаться.

Открыв глаза, я вспомнил, как вечером накануне мы с медсестрой и её друзьями сидели в кафе. Один молодой поэт за нашим столиком изрядно набрался и умничал. Опрокинув очередную рюмку водки, он поддел вилкой кусок мяса и пафосно заметил:

– Друзья, что наша жизнь – сомнения и тайны. И потому не всякий познанный ломоть донесешь до рта.

Увидев чью-то благосклонную гримасу, он забыл про вилку и продолжил разглагольствовать о смысле жизни, бросаясь словами, как судорожными рукопожатия. Противясь его болтовне, я привстал и ловко схватил зубами мотавшийся кусок мяса. Жуя, я уставился на поэта. Тот замолк на полуслове, да так и остался с открытым ртом, пока я не извинился, сказав, что страдаю галлюцинациями и принял его вилку за свою.

– Странно, – не поверил поэт.

– Ничуть не странно. Пока болтаешь, кто-то другой может сцапать все твои достижения, – сказал я.

– Что, черт подери, это значит?! – возмутился поэт, наливаясь кровью и выпучив свои серые зрачки.

– Более сильная воля может использовать нас, как заблагорассудится. И тогда получается, что испытанные мета-

морфозы и знания, суть чужой игры, в которой тебе пришлось исполнять роль смычка. И твои чувства и эмоции, как бы глубоки не были, всего лишь чья-то музыка. Вот тебе и все «сомнения и тайны». А чтобы противостоять этой воле, нужно научиться жить новой жизнью.

– Твои слова невнятны! – некрасиво повысил голос поэта, сжимая вилку. – Глупости!

Недолго думая, я стукнул ему по уху, а он чуть не про-
ткнул меня кухонным прибором. Нашу ссору уняли и долго
мирили вином. Вспоминая это, я хихикнул.

– Что случилось? – проснувшись, спросила медсестра.

– Я не тот, за кого себя выдаю, – посерьезнел я.

– В смысле?

Я насупился, подбирая слова.

– Я безумен. И не принесу тебе счастья. Если ты еще боль-
ше привяжешься ко мне, то измучаешься вконец.

– Как же так, – со слезами проговорила она. – Я думала,
мы любим друг друга, и у нас всё хорошо.

– У нас не может быть всё хорошо. Я не в своем уме. И не
хочу, чтобы ты сходила с ума вместе со мной. Мы должны
расстаться.

– А без тебя я, думаешь, не сойду. Мы только поэтому
должны расстаться?

– Есть женщина, которую я не могу забыть.

– Она любит тебя как я?

– Она вообще меня не любит.

– Не понимаю...

– Я сам не понимаю, я думал, что забыл её. Но мысли о ней превращают мою жизнь в кошмар...

Медсестра заплакала.

Я ушел. Неужели я надеялся найти что-то лучшее? Нежели было так трудно остаться с ней? Нет, просто я не мог забрать её у того, кто когда-то полюбит её по-настоящему. А впрочем, многим нашим поступкам нет объяснения. Мы сами наказываем себя своей глупостью. Моя заключалась в том, что я все поставил на одну карту и проиграл. Думал, что любовь к одной женщине приведет в рай, а получилась виселица с дураком. И хотя с кишками я был также нежен как с сердцем, совокupление для меня было также священно как смерть, в этой партии я проиграл.

И я слонялся по городу, как сбежавший псих. Люди шарались от меня, как от прокаженного. Моё лицо перекосила гримаса маньяка, глаза горели безумным блеском. Блуждая по коридорам улиц и дворов, я находил особую прелесть в забвении. Так летучий голландец безмолвно пересекает океан, так безумная Грета ищет своего младенца. Город был моим чистилищем, я был в нем бродячей собакой и голодной крысой, бездомным, который видит, как ночами по городу шарит всевидящее око дьявола в поисках того, кто хочет сразиться с ним за любовь.

Улица за улицей, квартал за кварталом проходили сквозь мою печень, пока я не выдохся. Я вдруг понял, что стою у её

дома, под её окнами. Увидев в них свет, я заплакал. А внутри у меня рождалась песня, я плакал и пел:

– Спасает не сила и не спасательный круг. Спасает любовь, она приходит как друг. Она приносит свободу на плечах, она гонит смерть, она гонит страх. Когда волны накроют твои города, и имена забудутся навсегда, надежда останется даже тогда, любовь – это голубь, и он летит сюда. И тот, кто не верил, и тот, кто не знал, и тот, кто уже ничего не ждал, поймет даже он последний урок – мир сдохнет без нашей любви, сынок.

Окно светилось в темноте, как маяк. И хотя мой корабль разбился, сам я еще плыл и тонуть не собирался.

Последняя слеза скатилась по щеке, и я понял, если захочу – выживу. Ничто не властно надо мной, пока во мне есть любовь. А если я отступаю, это означает только одно – еще мгновение и я рвану вперед, чтобы с разбега полететь. *Reculer pour mieux sauter* – отступить, чтобы дальше прыгнуть. Так записано на камне, висевшем на моей шее.

Позволь коснуться твоей мечты, любимая, и ты поймешь – она сбывается.

С

Consummatum est!

(Свершилось!)

Этот день не был похож на те, что я знал раньше. Открыв-

шее знание было далеким от чужих наставлений. Весь мир изменился и перестал походить на усыпанного бриллиантовой пылью торчка, чьи глаза слезятся от чрезмерной дозы. И если бы еще вчера мир попытался сам себе перебить хребет, то вряд ли бы я позволил ему сделать это без моей помощи.

Сегодня мир заметил мое присутствие. Как ни странно, но теперь меня волновало другое. Невероятное ощущение силы и свершающегося предназначения. Оно приходит не в день совершеннолетия, когда соседские девочки лишают тебя девственности. Это ощущение пространства, изгибающегося под глубиной твоего желания проникнуть в тайну любви и свободы, оно разрывает липкую паутину времени. Коснувшись не только сознания, но и всех окружающих предметов, это желание начинает крошить всё, что стоит на его пути.

– Пойми! – тряс меня за плечи прохожий, которому я предсказал будущее. – Ты проснулся в новой жизни!

– Молодец! – чмокая меня в щеку, восклицала давняя знакомая, к которой я вышел из другого измерения. – Наконец-то ты добился своего!

– Я всегда верил в тебя! – радовался друг, с которым мы разделили чудо преображения. – Теперь мы свободны!

В прошлой жизни я долго не мог снискать признания. Соль и вино, сила и мудрость, не шли мне впрок, мои дома приходили в запустение, моё вино просачивалось в землю, мои женщины лежали в чужих постелях.

Страдания пошли на пользу, я пресытился ими и устал от

жизни, в которой был скован своим несовершенством. Теперь я отрывал от своей души, как от плоти, ненужное, отделял плевела от зерен, уходя прочь от того, кто назывался моим именем.

Обрету или потерю? Этот вопрос перестал калечить меня. Я избавился от него, как от камня, привязанного к ногам и волочившегося вслед по всем дорогам. Я нашел узел, где он завязался в петлю, разрезал удавку и услышал, и увидел всё по-другому.

Очень легко обронит светильник, дарованный жизнью. Проще простого проморгать истину, как бы естественна она не была. Тайна открылась мне, даже скорее не открылась, а просто вошла в меня. Нет знания, очерченного кругом, нет имени не созвучного любви и истине. Никто не распределяет полагающиеся каждому из нас тайны. Это все равно, что сказать: *la verite est refusee fux constipes!* Истина не доступна для страдающих запором! Путь знания открыт для всех. Хотя он может быть и болезненным, одним он раскроет их сердце, другим превратит голову волшебную тыкву и разобьет её.

Для меня, искавшего ноты счастья, по которым можно сыграть для мира о вечной любви, было очень важно чувствовать и понимать, что в мире стоит за откровениями. Откуда они являются каждому из нас – из нового мира, зовущего нас, или просто запущены бумерангом растревоженного сознания?

Сразу и не поймешь, где выдумка, а где лишь немного искаженная для удобного переваривания действительность. В этом случае, мы неплохо устроились. Мы знаем то, что удобно знать. Мы верим в то, во что удобно верить. И потому нам кажется, что мы живем так, как хотим жить. Правда столь драгоценна, что должна охраняться караулом лжи, сказал старик Черчилль, посмеиваясь над нами.

Сколько в жизни тревог бессмысленных и ненужных, и мы сами ткем из них паутину. В слепом старании предугадать и понять причину ошибок и боли порой запутываемся еще сильнее. Трудно отвыкнуть от суетливых мыслей, что загоняют в угол сомнений и переживаний, и по-новому взглянуть на мир. Ум порождает химеру, а она еще тысячи химер. В надежде на свой ум, мы забываем, что сила, которая ведет нас, мудрее наших измышления. Каждое мгновение нужно открывать свое сердце любви, прислушиваясь, как она входит в него. И тогда ты с радостью пожмешь окровавленную руку убийцы, и с нежностью поцелуешь истертые губы блудницы.

Я стоял посреди шумной улицы, ошарашенный открытием того, что перешел в новую жизнь без всяких заклинаний и магии. Сделал очередной шаг навстречу любви и оказался там, где хотел. Одна пожилая женщина, соблазнившись моим чудесным преображением и блеском глаз, остановилась рядом и спросила:

– Скажите, неужели я прожила бесполезную жизнь? Ведь

я так и не поняла, для чего всё это было...

– Спокойно, не надо ничего бояться, – сказал я.

– Но я устала от болезней, воспоминаний и одиночества...

Старушка пересказывала свою жизнь с подробностями, похожими на остатки крупы, которые промывают перед голодным ужином.

– Подождите. Не переживайте все это заново. Не утомляйте ваше сердце, – останавливал я.

Но она не слушала и продолжала говорить. Она хотела спасения здесь и сейчас, она не могла больше терпеть. Я тоже долго терпел, пока не пережил похожий мистический опыт, о котором в своих письмах упоминал немецкий монах Эккехард Аурский: «Даже не думай о смерти, нам предстоит остаться здесь, милый друг. Обещаю, мы не пожалеем об этом. Дни наших скитаний здесь сделают с нами то, чего не сделают тысячи книг и тысячи советов. Каждый наш шаг по этой неизведанной земле приближает нас к цели, что хранится глубоко в нас. Только здесь мы обретем любовь».

Мир не ищет долго своих героев, они сами приходят к нему, как разбогатевшие должники. Я готов был делиться своим знанием со всеми. Но часто нам приписывают возможности, коими мы не обладаем. Награждают эпитетами, которых не достойны. Причисляют к лику святых, облачают в халаты жрецов и выбирают на роль путеводной звезды, с которой мы еще не готовы справиться. Плохо ли это, не испортит ли незаслуженное почтение наше существование? Нет.

Пусть нас наряжают в ладно скроенные, но великоватые наряды, пусть они не в пору, но мы старательно подрастем до их размера, а там, глядишь, они будут малы и сошьют новые.

Я оставил говорящую старушку и пошел в кинотеатр на дневной сеанс. Последнее время в газетах и журналах писали о том, что к Земле приближается черная дыра. И я стал подумывать, что это ко мне кто-то летит на встречу. В темноте зала в этом не было сомнения, я приходил и каждый раз видел то, чего не видели другие. Герои подмигивали с экрана, давали дельные советы и незаметно для остальных подкидывали монеты на следующий поход в кино.

Фильм был неплох, я смотрел с восхищением. Длиннобородый седой старик в длинном красивом колпаке говорил мне:

– Составишь компанию единственному, кто сохранил здесь разум?

Но все-таки я уснул под конец сеанса и покинул зал, когда появились новые зрители оживленные, как интуристы. В фойе я наткнулся на знакомую старушку, она решила действовать, как я, и увидев, куда пошел я, последовала за мной.

– Обратите внимание на старика вашего возраста, он будет говорить вам, что мудрость в том, чтобы распознать необходимое, когда все прочие средства отпали... – сказал ей я. – Что там дальше, не помню, но вы обязательно послушайте и запомните.

Он сидел на ступеньках кинотеатра. И я бы прошел мимо,

если бы он не сказал, как бы ни к кому обращаясь:

– Афиняне отдавали свою двухдневную зарплату, чтобы задать вопрос оракулу. Сколько выложишь ты, чтобы узнать истину?

– Какую истину? – невольно спросил я.

Он повернулся в мою сторону, удивленно взглянул, словно не ожидал еще чьего-то присутствия, и спросил:

– Тебе чего, прохожий?

– Ты говорил про истину.

– Я ничего не говорил.

– Но я слышал.

– То, что ты слышал, можешь оставить при себе.

«Чего я к нему пристал, – подумал я, – это просто какой-то сукин сын, только и всего».

И пошел прочь.

– Постой, – окликнул он.

Я обернулся.

– Это была фраза из книги, – улыбаясь, как старому приятелю, сообщил он.

«Странный тип», – подумал я.

– Только я не помню из чьей, – хитро прищурившись, добавил он. – Может, из твоей?

Я посмотрел на его ботинки, они были как у настоящего бродяги, сшитые из крепкой кожи, пыльные и грязные. Кто он такой? И что он знает обо мне?

– Пойдем выпьем, – предложил он.

– У меня нет денег.

– Я угощаю.

– С чего бы это?

– Мне есть, что тебе сказать.

Вскоре мы пили вино за столиком в летнем кафе. Причем он лишь держался за свой стакан и просто мочил губы в дорогом вине.

– Как тебя зовут? – спрашивал я.

– Страж Колесиков, – говорил он, ничуть не смущаясь, что я приму его за сумасшедшего.

– Это каких, которые в голове, что ли? – я покрутил пальцем у виска.

– И этих тоже. Но вообще-то я Страж Колесиков Времени.

– Ты охраняешь Время?

– Слежу за ним.

– Зачем? – спросил я.

– Старик Кант говорил, что время – это всего лишь способ восприятия действительности. Но это не совсем так. Время – это огромный лабиринт, замерший в центре пространства нового мира, который ты ищешь. Он за стенами лабиринта. Ты блуждаешь по лабиринту, натываясь на бесконечные тупики, и думаешь, что в этом кроется какой-то смысл. А он просто крадет тебя у тебя.

– Но как узнать, где выход? – проглотив наживку, спросил я.

– Ответ кроется в тебе. В том, что ты чувствуешь и как жи-

вешь. Ты почувствовал прилив сил, радости и счастья, значит, ты идешь в сторону выхода. Тебя охватило беспокойство и усталость, и вполне возможно время перекрыло еще один выход, сбив тебя с верного пути. Поспешి найти его. Ведь у каждого с левой стороны груди встроен механизм времени, отсчитывающий мгновения. Многие держатся за стук времени, как за нить Ариадны, надеясь, что он куда-нибудь да выведет. Лишь иногда на рассвете, между сном и пробуждением, коснется смутная догадка, что это движение по кругу, по изгибам древнего лабиринта, где нет ничего живого.

– Ничего живого? Но многие находят здесь любовь.

– Это лишь весточки от неё. Сюда она проникает лишь, как послание заключенным, упрятанное в хлеб нашей веры. Вместе с мечтой, музыкой, поэзией и картинами. Каждый, осознанно или не осознанно стремиться ищет выход из лабиринта времени, замершего, как гробница, среди другого зовущего мира. И не надо улетать на другую планету, перебираться в параллельный мир, все здесь. И каждый, кто выбирается, рад бы взять с собой кого-то еще, но часто выход за спиной захлопывается сразу же и тот, кто шел следом, вынужден искать свою лазейку. Время старательно закрывает выходы из своего лабиринта, оно затыкает даже щели, через которые можно увидеть зовущий мир. Время и есть гробница, оно похоронит всех, кто не успеет выйти.

– Как похоронит? – переспросил я, ошарашенный необычным мировоззрением.

– Последнее, что в силах лабиринта, это захлопнуться на издыхании и похоронить вместе с собой всех, кто ему верит. Ложь – вот чем пропитан воздух лабиринта. И не дышать им по силам не каждому. Однако это единственный способ выбраться наружу. Свобода и Любовь не смогут помочь тому, чьи легкие забиты пылью лжи. Однажды таинство свершится, и ты выйдешь из лабиринта, но ты не вспомнишь мои слова. Слова ни к чему. Они лишь запутывают в этом лабиринт, а те, которые помогают и указывают путь, вызывают недоверие.

– Да, трудно поверить в твои слова, – признался я.

– Ты должен постоянно держать перед внутренним взором мир, к которому идешь.

Тут загромыхал гром и полил сильный дождь. Страж многозначительно посмотрел на небо.

– Пойдем, – предложил он, – тут есть одно местечко, тебе понравится.

Трактир, и правда, оказался весьма забавным. Насыщен морской тематикой, словно пьяные матросы стащили на берег к хозяину таверны в обмен на выпивку всю оснастку, такелаж и внутренности своего корабля. Повсюду стояли модели парусных кораблей. А вместо окон наружу глядели иллюминаторы. Но самым интересным и приятным было то, что у стойки бара возвышался деревянный штурвал с надписью «Pas de Lieu Rhone que Nous», а за стойкой – крепкий мужик в тельняшке с татуировкой на мускулистых плечах.

Над головой у бармена были раскиданы рыболовные сети, и болтался флаг с черепом и костями.

– Что там написано? – спросил я у Стража, указав на штурвал, когда мы заказывали кувшин вина.

– Больше читайте, молодой человек. Необразованность украшает только дикорастущие кустарники. А написанное означает, мол, встретимся на Родине или где-нибудь по дороге.

– А...

– Вот тебе и «а». Это слова известного поэта.

– Какого?

– Я слышал, ты до сих пор гоняешься за любовью одной женщины? – перевел тему разговора Страж.

– Да, – удивился я. – Откуда ты знаешь?

– Об этом красноречиво говорят твои глаза, – шутливо ответил он.

Я невольно сморгнул.

– Страдаешь из-за этого?

– Бывает, – вздохнул я.

– Как сам думаешь, почему?

– Ни у одной женщины в глазах я не вижу то, что нахожу в её глазах.

– Что же это?

– Моё счастье.

– Хм, – покачал головой Страж. – По мне так у тебя просто испорченное воображение. Но любовь не оставит тебя.

– И то хорошо.

В трактир вошли две девушки. Они удивленно озирались по сторонам, явно ожидая увидеть здесь что-то другое.

– Девушки, присаживайтесь за наш столик, – предложил им Страж Колесиков.

Девушки сомневались. Страж подошел к ним.

– Вы кого-то искали здесь? – спросил он.

– А что заметно? – спросила одна.

Подруга её делала вид, что никого не замечает.

– Вы слишком пристально осмотрели всех посетителей. Между прочим, я знаю, что вы регулярно меняете знакомства. Больше месяца вы с одним мужчиной не встречаетесь. И тот, который пригласил вас сюда, не придет. Его жена неожиданно вернулась. Но вместо него за вами придут двое, и, к сожалению, это будем не мы.

– А вы кто? – удивленная таким откровением спросила девушка.

– Я, так скажем, занимаюсь эзотерикой, – мягко улыбнулся Страж Колесиков, – практикую одно мистическое учение.

– А в чем оно заключается? – с возрастающим интересом спросила девушка.

– В том, что всё в этом мире имеет связь и значение. И в том, чтобы вы подсели именно к нам, и между нами завязался разговор.

– Давай присядем, – предложила девушка своей подруге. Та согласилась, тоже с интересом глядя на Стража Коле-

СИКОВ.

– А вы тоже практикуете это учение? – спросила меня общительная девушка.

– Пока нет. Но подумываю, стать адептом.

– А чем вы занимаетесь?

– Ничем, – тоже откровенно заявил я. – Совсем недавно я упорно пытался написать книгу. Но моему упорству и таланту помешало незнание темы.

– О чем же эта книга? – спрашивала девушка.

– Ничего необычного, – воспользовавшись моим замешательством, заметил Страж Колесиков, – это история, где смерть, выступая одним из героев, появляется в своем настоящем воплощении, пустотелой и почти ничего не значащей. Можно сказать, становится «смертью» в кавычках.

– Странно, – проговорила до того молчавшая девушка, – я всегда думала, что смерть одно из полновесных состояний, так сказать, состояний обучения. Разве нет?

– Нет, – коротко сказал Страж Колесиков. – В нашем учении смерть – это главная ложь из всей лжи. Все эти отрицательные эмоции, все эти страхи и ненависти, суть лжи, суть смерти.

– Но в отрицательных эмоциях тоже есть что-то важное и нужное, какой-то опыт.

– Никого опыта, одна ложь. Истинна только радость, только она и необходима, и для опыта, и для чего угодно. Ничего кроме радости.

– А как же страдания? – спросила девушка, – Они же помогают духовному росту.

– Верить тому, что страдание помогает духовному росту и обогащает, все равно, что верить, будто сифилис помогает разобраться в себе. Закон страдания – закон лжи, то, что истинно – то улыбается.

– Звучит убедительно. Но так ли это?

– Ладно, я не претендую на роль вашего гуру. Но от слов своих не отказываюсь.

– Правильно. Давайте, выпьем, – предложил я. – Сделаем маленький бибамус.

– Почему не выпить бокал хорошего вина, если на сердце праздник, – согласился Страж Колесиков и улыбнулся девушкам. – Но многие пьют по другой причине. Как говорил Хемфри Богарт, вся беда этого мира в том, что он отстает от нас на три рюмки.

Девушки пить отказались. Я выпил один. Возникла маленькая пауза, бывающая, когда кто-то напивается в гордом одиночестве и не одобрительно посматривает на трезвую компанию.

– Отстает, бывает, что и больше, чем на три, – вдруг отозвался я, захмелев. – Только если нет любви. Но зачем нам отрицательные эмоции, истинна только радость, так сказал наш друг. Так что пусть лучше... Лучше пусть он споет что-нибудь!

– У меня низкий голос, – предупредил Страж Колесиков

и неожиданно, махнув салфеткой, во весь голос запел: – Лю-ю-юбо-о-овь! Зачем ты мучаешь меня? Лети в мой сад, голубка!

– У нас петь нельзя, – сообщил подбежавший человек в тельняшке.

– А кто вам сказал, что мы поем? – удивился Страж Колесиков, уставившись в потолок, словно спетые слова должны посыпаться обратно в виде цветов.

– Нельзя. Нельзя, – вежливо твердил управляющий. – Здесь поют только специально приглашенные исполнители.

– А кто вам сказал, что мы не специально приглашенные исполнители? – тоже стоял на своем Страж Колесиков. – Быть может, мы и есть те самые специально приглашенные исполнители, которые пока репетируют. А? Разве вы не знаете, что в вашем городе проходит ассамблея трубадуров? В городе полным полно трубадуров, а вы ничего об этом не знаете. И, кажется, нигде к ним не относятся так неуважительно, как в этом заведении. Что вы на это скажете?

– Разве вы не видите, кто перед вами? – ввязался в спор я. – Разве не видите? Это же сам Пейре Видадь! Понимаете, Пейре Видадь! Как вы можете не знать этого? Как?!

– Извините. Извините, – отступая, говорил человек. – Но все равно уважительная просьба, не петь. Прошу вас. А то я буду вынужден пожаловаться директору.

– Жалуйтесь! Жалуйтесь! – негодовал я. – Но это не убавит вашего невежества!

Человек ретировался.

– А кто такой Пейре Видаль? – спросила разговорчивая девушка. – Это вы?

– Нет, это не я, – покачал головой Страж Колесиков. – К сожалению, Пейре Видаль давно умер.

– А какое он имеет отношение к вам?

– Самое прямое, он трубадур, и мы трубадуры.

– Вы поете в ансамбле?

– Мы поем во всех ансамблях.

– А как же ваше мистическое учение? – ошарашено спрашивала девушка.

Было видно, что голова у неё уже шла кругом от общения с нами.

– Оно в этом и заключается, все знать, во всем участвовать и обо всем иметь верное суждение. Мы придуманы жизнью для всеобщего счастья, – сказал Страж Колесиков так, что не поверить его словам было нельзя.

– А что вы знаете о снах? Вы верите в сны? – вдруг спросила другая больше молчавшая девушка. – В них можно узнать будущее? Недавно я видела во сне ворону, молодые женщины-весталки резали её и вынимали увеличенную печень желтой окраски. Что это значит?

– Вы знаете, дорогая, – с видом опытного толкователя снов начал Страж Колесиков, – когда-то графиня де Пулиньяк открывая Гильему де Сент-Диде тайны сновидений, сказала так: «Наши сны будут истинными, если мы будем ло-

житься в трезвости и таким образом опочивать. Ибо когда мы спим, а желудок обременен вином и мясом, то мы видим только нечто сумбурное, смутное и темное». А вот Драйден и Фьюзелли наоборот в употреблении сырого мяса видели залог чудесных сновидений. Кому бы из них вы поверили?

– Ну, – лишь сказала девушка.

У её подруги зазвонил в кармане телефон.

– Алле, привет. Мы в центре. А вы где? Так это совсем рядом. Да, через дорогу. Видишь вывеска такая морская. Заходите.

– Так вот, – заметил Страж, лишь девушка окончила разговор. – Оба совета правдивы, не смотря на явное противоречие. Все дело в том, каким характером обладает сновидец. Либо это воин, либо это странник, либо это жрец...

Но не договорить он не успел, у нашего столика появились два крепких молодых кавалера, скорее воины, чем странники или жрецы. Девушки с сожалением попрощались и ушли с ними, пару раз оглянувшись, словно желая запомнить нас получше.

– Теперь последняя часть нашей беседы. Она касается тебя, – обратился Страж Колесиков, словно всё шло по давно отрепетированному сценарию. – Ты скоро попадешь в спицы времени, тебе будет казаться, что ты потерял любовь, надежду на неё, о тебе забыли друзья, ты нищ и одинок. Нырни в это состояние поглубже, не барахтайся на поверхности. Чем глубже ты нырнешь, тем быстрее выберешься.

– Будет еще хуже? – с опаской спросил я.

– Не бойся наваждения, думай о чем хочешь, о смерти, о боли, о своих мучениях. Только ничего не делай. Любовь сама придет за тобой. Призови её, когда почувствуешь, что наступил последний момент.

Я молча слушал. Что же это? Неужели все повторится, я снова увижу черное солнце.

– И еще один совет...

Страж Колесиков осмотрелся по сторонам, словно убеждаясь, не подслушивают, и продолжил:

– Плотность времени, и его агрессивность растет, все эти войны, возрастающие материальные ценности. Тебе не избежать общей участи в колесе бессмысленного движения. Так что...

Он порылся в карманах и достал несколько банкнот, перевязанных в трубочку.

– Вот тебе на книги и вино. Здесь немного, возьми, они твои.

– Спасибо, – не возражал я. – Не знаю, скоро ли смогу вернуть.

– Живи проще, – сказал он. – Панта хойна филон. У друзей все общее.

– Разве мы друзья? Мы знакомы несколько часов.

– Неважно сколько знакомы. И неважно, когда увидимся опять. На самом деле все в мире обстоит не так, как ты себе представляешь.

– А как? – по инерции спросил я.

– Люди встречаются, чтобы обмениваться информацией и потоками энергии.

– Хочешь сказать, что ты обыкновенный человек, с которым я обменялся потоками энергии и информацией?

– Таких, как я, ты еще много встретишь. Не здесь, а за пределами лабиринта. И не думай, что границы лабиринты где-то снаружи. Он внутри тебя.

– Я с трудом управляю своей жизнью. Как у меня получится?

– Встретишь тех, кто поможет тебе.

– Когда?

– Когда это будет нужно. Твоя судьба сплетена с другими судьбами. Вслушивайся в мир, грядут великие перемены. Ты сможешь не только угадать свое направление, но и преодолеть то, что казалось непосильным.

– Пока всё, что я смог, едва разглядеть за паутиной времени иную жизнь.

– Не так уж мало, – сказал Страж Колесиков, вставая.

Сначала я подумал, что Страж вышел по нужде. Но он не вернулся.

После этой встречи я никак не мог понять, что мне делать. Все вокруг было прежним. Достаточно долго я жил припеваючи, денег хватало на походы в кино, книги и вино. Когда средства иссякли, я отправился за продолжением истории. Я бродил по улицам и, подобно хуруфитам, пытался по лицам

людей прочитав какие-нибудь знаки. Ничего. Пиная пустую банку из-под кока-колы, я рассуждал:

– Чем же заняться? Может, по совету Кальдерона заняться грабежом на большой дороге, и тем добывать себе на жизнь. Ведь если у таланта нет золотых крыльев, он пресмыкается и умирает. Золотых крыльев у меня пока нет, а пресмыкаться и умирать я не хочу. А может, позвонить ей... Это идея! Вдруг все пойдет по другому.

Трубку она взяла не сразу. В голосе у нее звучали печальные нотки.

– У тебя что-то случилось? – спросил я.

– Ничего страшного.

«С любовником поссорилась», – подумал я и спросил:

– Расскажешь?

– Нет.

Мы помолчали.

– Пойдем в кино, – вдруг предложила она.

– Кино? – я не верил своим ушам. – Какое?

– Поймай меня, если сможешь.

– Поймаю, если хочешь.

– Это фильм так называется.

– Да я понял.

– Пойдем?

Через день мы сидели в темном зале и смотрели на огромный экран, касаясь друг друга плечами. У меня даже голова закружилась от счастья. О, если бы фильм длился вечно.

– Всё будет отлично, сынок! – подмигнул с экрана Кристофер Уокен.

Счастливые мгновения проходят стремительно. Даже если в них сосредоточена вся твоя жизнь, они все равно таят, словно снежинки.

– Что самое главное в жизни? – спросил я её, когда вышли из кинотеатра.

– Справедливость.

– Так почему бы тебе не дать мне шанс? Это было бы справедливо.

– Нет. Это было бы несправедливо. Ты ничего не знаешь обо мне. Спасибо за чудесный вечер.

Она помахала рукой и пошла, как стюардесса к отлетающему через пару минут самолету. Я смотрел ей вслед и понимал, что уже не верю в чудесное будущее наших отношений. Кому-то сегодня еще повезет, но не мне.

– Ты чего здесь делаешь? – услышал я знакомый.

Эта была она. Та, которая вела себя как шлюха. Она была трезва, нарядна и смотрела на меня, как Деда Мороза.

– Наверное, тебя жду.

– А я решила пройти мимо кинотеатра, на красиво одетых людей посмотреть.

– Правильно сделала. Я уже посмотрел.

– Куда ты теперь?

– Домой.

– Можно с тобой?

– Зачем?

– Я сейчас у перехода загадала, что если успею перейти на зеленый, то встречу тебя. Успела. И встретила. Представляешь?

– Представляю.

– Я люблю тебя.

– Поехали.

Бог наделил нас памятью, но забрал разум. Когда-то я подышал от её ядовитых слов и поступков, падал и пропадал в бездне. И вдруг это стало неважно. Пока мы ехали, она говорила, что все это время скучала.

В конце концов, подумал я, любовь всегда можно вырастить вдвоем из маленького зернышка привязанности. Главное быть нежным и осторожным к нему, пока оно набирает силы, и не подвергать его испытаниям, выставляя под град и сильный ветер.

Мы проводили вместе вечера, читали одни и те же книги, иногда о чем-то спорили. Сердца наши были одинаково истыканы спицами любви, и мы оба находили немалое утешение в объятиях друг друга. Впрочем, меня не покидало ощущение, что ей до сих пор владеют бесы.

– Очень люблю тебя, – говорила она, словно читая мои мысли.

– Мне кажется, ты так говоришь, чтобы не нарушить наш сегодняшний покой, – честно признавался я, дуя ей в ухо. – Твой взор слишком сух и полон усталости, чтобы быть влюб-

ленным. И ты лишь наслаждаешься сегодняшней безмятежностью. Ты любишь наш сегодняшний вечер, а не меня.

– Да. Я люблю тебя сегодня, – кивнула она. – Ни вчера, ни завтра, а сегодня.

– Странно...

– Ничего странного, я столько знаю о любви, малыш, что тебя бы это знание убило бы. А я ничего живу. Просто, когда людям хорошо вместе, они держаться за это, как за истинную любовь. Значит, им больше не за что держаться сейчас. Мы держимся друг за друга. Разве не так?

– Может, и так, но мне хотелось бы быть уверенным, что ты не причинишь боли...

– Нельзя ни в чем быть уверенным, малыш, – задумчиво проговорила она и тут же добавила. – Я никогда не причину тебе зла. Я близкий тебе человек, я ближе тебе, чем твои внутренности.

Я поверил и решил, что жизнь налаживается, и мир наполняется гармонией. Моя женщина была весела и выглядела приятно, я даже уверился, что она излечилась от безумия. Настолько её речи были наполнены доброжелательной мудростью и покоем. Однако это было зачарованное мгновение, посланное, чтобы следующий удар встретить беззащитным.

– Я хочу вина, – вдруг сказала она. – Угостишь?

– Могу взять бутылочку сухого.

В полночь мы допивали уже третью. Нам было весело. Мы слушали Мано Чао, курили травку, жгли благовония и уже

один раз сходили в постель. И вдруг я с ужасом заметил, что её глаза затягивает пелена дьявольского огня, а в чертах лица проступает леденящее проклятье. Будь она менее безумна, потянула бы на роковую женщину, а так это был демон.

– Ты не умеешь любить. А только мечтаешь присунуть кому-нибудь на дармовщинку! – заявила она.

– Дура! Что ты несешь!

– Да и я тебя не любила! Я тебя просто использовала! Ха! Ты был для меня – один из пачки дешевых презервативов! Все! Ты мне надоел! Сесуфи, мальчик!

– Что?!

Я бросился душить демона, ввязавшись в дикую грязную игру. Мы визжали, награждая друг друга пинками и плевками. Бешено стучали наши сердца, заглушая мир. Жизнь утекала из нас, как из лопнувших сосудов.

– Мамочки! – взвизгнула она, когда я попал в неё стулом.

– Грязная тварь! Ненавижу! Сейчас я разделаюсь с тобой! – выл я, готовый разорвать её в клочья.

– Помогите!

Она босиком выбежала из дома. Я бросился за ней, но споткнулся о порог и с силой врезался головой в стену. Обливаясь кровью из рассеченного лба, я вернулся.

На следующий день я чувствовал себя ужасно, хотя мир не стерли с лица Земли, и у человечества остались хлеб и вода. Я был сам не свой, и как-то на автопилоте позвонил той, с которой ходил в кино, и спросил:

– Что делаешь?

– Варю кашу.

– Какую?

– Из пшена.

– А кот?

– Ест рыбу.

– Как настроение?

– Хорошее.

– А бывает так, что тебе не хочется жить? – спросил я.

– Нет, не бывает. Мне всегда хочется жить, потому что жизнь – это самое лучшее, что у меня есть, – как по писанному ответила она.

– И что теперь никому нельзя допускать мысли о смерти?

– Нельзя, у каждого человека есть обязательства перед другими людьми, – строго сказала она.

– А у тебя какие?

– Я никогда не разочарую своих родителей.

– Спасибо, – разговора стал бесить меня, я положил трубку и повторил, передразнивая. – Никогда не разочарую своих родителей! А если у меня нет никаких родителей! Если я могу разочаровать только себя. Надо же, выходит, я полное дерьмо.

Странно, но я поуспокоился. Правда, захотел выпить. Денег не осталось, и я пошел на их поиски. Реальность соседствовала с наваждением, как светлый экран с темнотой кинозала. Передвигаясь, словно контуженный, я шатался по го-

роду и мысленно набирал знакомый номер. Моя голова была чуть наклонена в сторону, словно прижимала телефонную трубку. Мысленно я говорил так, как никогда не говорил в жизни:

– Если сегодня меня вздернут на реях твоего корабля, завтра я буду его капитаном. Если утром мой труп выкинут за борт акулам, вечером я уже буду веселиться на карнавале под теплым небом южной ночи. Мы сидим в одной лодке, ты и я! В твоих руках то же весло, что и у меня! Посмотри в мои глаза, и ты поймешь, я живу тем же. Твоя усталость – моя усталость, твоя радость – моя. Как я могу быть свободным, если тебя держат за крылья? Печаль не покинет моё сердце, если я чувствую, как крепко оно вцепилось в твоё. Я не смогу отчалить от берега, зная, что тебя на нем сожрут крысы.

Довольный своими рассуждениями, я вдруг залился истерическим смехом где-то посреди улицы, не видя и не слыша, как вздрагивали прохожие, лаяли собаки и плакали дети. Визг тормозов...

Женщина выдернула меня почти из-под машины.

– Ой, это ты!

Я встретил подругу медсестры. Она вцепилась в меня и, не обращая внимания на сопротивление, потащила меня к медсестре, убеждая, что она не помнит зла и очень страдает.

– Я тоже очень страдаю, – сказал я. – Что мне делать?

– Ну что-что.. Подолгу бодрствовать на свежем воздухе.

Питаться салатом из крапивы, грецким орехом и медом.

– А еще?

– Немедленно приступай к очищению кишечника от шлаков. Все проблемы от шлаков, – сказала она и шепотом похвалила уринотерапию.

– Ну я не могу пойти к ней такой зашлакованный, – упершись, встал я. – Займи денег. Я приду завтра.

– Обещаешь?

– Обещаю, – сказал я, скрестив пальцы за спиной.

Я купил ящик фунфыриков со спиртом в аптеке и закрылся дома. К вечеру я ощутил себя на корабле в море Бахуса. Я сидел на палубе и стеклянными зрачками сверлил пустоту.

– Что с тобой? – спросила пустота.

– Я конченный неудачник.

Через сутки я вышел ночью погулять – вынести мусор. У мусорных баков я нашел старую пишущую машинку, в неё какой-то умник воткнул записку: *«если набрать верную комбинацию из букв и многоточий, то можно отправиться путешествие во времени»*. Я притащил её домой и стал сходить с ума красиво – настукивая бредовые тексты.

Проснувшись, я осторожно разбирал палубу, мне казалось, симпатичная соседка с нижнего этажа, откликнувшись на стук клавиш, зовет. Меня не покидало ощущение, что рядом кто-то сидит и наблюдает.

Выйдя покурить на балкон, я понял, что, когда затягиваюсь сигаретой, в голове начинала играть «Muddy water» в исполнении Ника Кэйва, я вынимаю сигарету изо рта, и песня

прекращается. Я затушил сигарету, и услышал шум. Внизу в призрачном яблочном сиянии, ухая, резвились привидения. Они явно насмеялись надо мной. Как был в трусах и тапках я выскочил на улицу и погнался за ними. Это была компания пьяных подростков, они разбежались при моем появлении.

Тяжело дыша, я вернулся, не понимая, что спятил окончательно. Весь пол был усеян листками. Я словно видел их в первый раз. Наклонившись, я поднял и прочитал: «... *глубоко внутри сидит что-то такое, что боится солнца и радости, оно задыхается и боится простора. Это твердое, как камень, твердое, как первый камень на Земле. Это мрачное «нет» жизни, это эликсир смерти, это корень тьмы, это первый крик Земли под лучом солнца истины...*». Буквы холодно смотрели на меня, я не понял ни слова. Я спустил листок в унитаз. Глядя, как его уносит водоворот, я увидел, как в потоках воды проявляется чье-то строгое лицо, старый город, смотровая башня и уснувший на ней часовой. Часовой вздрогнул, открыл глаза и устало прошептал:

– Сейчас во сне я видел прекрасную деву. Она выпустила из длинных рукавов своего одеяния двух белых голубей и нежно сказала, что если я умру, то она не оставит меня. Когда я войду в дверь, которую она укажет, то попаду в один из её рукавов, и тогда она выпустит меня, как голубя, на волю.

Раньше подобные видения мне не являлись. Но я не испугался за свой рассудок. Сейчас увидеть в потоках воды из толчка часового, изъяснившегося витиевато и странно, было

даже приятно.

Ночью я вышел выкинуть печатную машинку. Я отнес её не к мусорке, а на автобусную остановку, вставив вместо прежнего листка весточку от себя: *«Мир любви зовет каждое мгновение, желая вступить в свои права. Выше ноги от земли, товарищ, мы уйдем вместе. Наши корабли уже в небе. А те, кто останется здесь, пусть дождевывают свои сахарозы, порошки, жиры и разрыхлители, двуокиси и ароматизаторы. Выпьём чистой воды, отпустим грехи и, как птицы из клетки, исчезнем отсюда. Наша мечта сбудется. Мы получим знание в любви».*

Нащупав в кармане телефон, я решил последний раз попытать счастье.

– Это я, – чуть слышно сказал я.

– О, а я как раз подумала о тебе, – удивилась она. – Вспомнила о твоём последнем звонке.

– Как там дела у Чендлера?

– Подавился костью. Друзья и Моника всю серию спасали его. Как твои дела?

– Такое ощущение, что я тоже подавился.

– Как это?

– Любовь застряла в горле. Ни туда, ни обратно.

– Понятно. Есть способ всё изменить.

– Как?

– Клин клином вышибают.

– Не вышибается.

– Пробовал?

– Пробовал.

– Мне больше нечего предложить.

– А если напиться?

– Не советую.

– А я все же попробую. И позже расскажу о результатах.

Отключив телефон, я вернулся и слил последние пузырьки. Напивался я уверенно, старательно, до краев, превращая мозг в кашу.

Я набирал номер. Телефон лежала на полу, держать его не было сил. Взяв трубку, она молчала.

– Ну и что? – спросил я.

– Что?

– Что мне делать сегодня со своей любовью?! – запел я противным козлиным голосом.

Она молчала.

– Эй, на берегу! Без твоей любви я подышаю!

– Мне все равно, – сказал незнакомый уставший голос.

– И ты никогда не полюбишь меня?

– Нет.

– И нет никакой надежды?

– Никакой.

Над головой пролетело ядро и свалило мачту. Второе ядро ударило в борт, и я отлетел. Щепки впились в лицо. Сверху свалился парус. На корабле никого не было. Я был один среди пустоты, явившейся за мной, как за вещью. Когда-то я

надеялся постучать в окно любимой и позвать её к дальнему берегу. Но что-то пошло не так.

Задыхаясь, я все равно твердил:

– Мы все равно когда-нибудь и где-нибудь встретимся.

На мгновение меня охватило непонятное наслаждения, как будто наркотическое. Я физически ощутил брызги моря на лице. Потом само моря. Я тонул, я шел ко дну. Я услышал плач. И тут я понял, что это не любовь подталкивает меня к смерти. Это лабиринт размазывал меня по тупику. У лабиринта нет Бога. Он ему не нужен. И тут я вспомнил, как Страж Колесиков советовал нырнуть глубже в состояние этого мира. Суть его в отсутствии Бога. Глубже было некуда.

Я выдохнул напоследок, и меня понесло наверх, чтобы там я вдохнул полной грудью.

Я не пускал пузыри, а просил.

Любовь, мне больше не у кого просить сил и защиты, я падаю на колени и целую свой прах у твоих ног. Подари жизнь, Любовь, подари хоть глоток, у меня нет сил жить без тебя. Я думал, что буду терпеть и вытерплю. И я вытерплю, только помоги мне. Помоги! Любовь, мне больше некого призвать, и никто не отзывается на мой зов. Никто, кроме тебя, не в силах спасти меня. Переломанный и оскверненный я лежу у черты, за которой уже нет надежды. Пришла пора тебе придти на помощь. Любимая, помоги мне всего лишь подняться, и ты увидишь, как крепко я стою на ногах.

Приложение. Из рукописей героя этой повести: «Истории обманутых трубадуров»

История первая. Гираут и Аламанда

Первым среди трубадуров одно время был Гираут де Борнель. Родом он был из Лимузина, из округа Эксидаиль, из мощного замка виконта Лиможского.

Будучи незнатного происхождения он отличался природной смекалкой и, следуя ей, приобрел немалую ученость. Когда же родители предложили Гирауту жениться, он отказался, сказав, что все нажитое будет отдавать в церковь святого Геврасия. Родители пришли в умиление от такого благочестия и успокоились.

Первое время жизнь Гираута де Борнеля протекала весьма однообразно. Летом он ходил по дворам сеньоров и с ним два певца, исполнявших его кансоны. А зимой он оставался при школе, где обучал отроков науке.

Так продолжалось, пока Гираут де Борнель не влюбился в одну гасконскую даму по имени дона Аламанда д'Эстанк. Даму весьма благородную, во всей округе славившуюся умом и красотой. Она весьма любезно приняла ухаживания труба-

дура, ибо разглядела в нем талант, способный прославить её и возвеличить.

И правда, отдавшись этой любви и посвящая ей свои кансоны, Гираут скоро прославился среди людей, разумеющих изысканную речь, полную любовных чувств и остроумия. Высокородные люди уже не гнушались знакомства с ним, знатоки художеств собирались ставить его на пьедестал. Равно, как и дамы, охотно внимавшие искусно подобранным словам его песен.

Жизнь трубадура налаживалась. И хотя дона Аламанда со всей куртуазностью оборонялась от его любовных домогательств, все же на обещания она не скупилась, и однажды в знак того, что обещаниям суждено исполниться, подарила трубадуру свою перчатку. Тот чуть с ума не сошел от радости, веселился так, словно дона Аламанда одарила его высшей любовной усладой.

– Вот, друзья! – говорил Гираут своим приятелям, махая перчаткой. – Знак любви, дарованный мне моим божеством. Скоро суждено осуществиться всем моим мечтам!

Все лето трубадур ходил по кабакам, пребывая в восторженном настроении и напиваясь. Пока однажды кто-то из его собутыльников не похитил перчатку и не подбросил лошадям вместе с кормом.

Обнаружив пропажу, впал Гираут в великую печаль. И долго не мог признаться в том доне Аламанде. Однако дона Аламанда, которой надоели любовные домогательства тру-

бадура, сама, прознав, что перчатка утеряна, послала трубадуру письмо, полное укоров, и велела ему немедленно явиться ко двору.

Едва он вошел к ней, как она набросилась на него с упреками и обвинениями.

— Не вы ли, сударь, клялись, что будете хранить мой подарок у самого сердца? Надо полагать, вы потеряли и то, и другое. А еще я слышала, что вы напиваетесь со всяким сбродом и бахвалитесь перед ним моими обещаниями. Раз так, то я отрекаюсь от всего обещанного, и никакой любовной услады вам от меня не получить. Попробуйте счастья в другом месте!

После таких слов испытал Гираут великую скорбь и отчаяние. И не сказав ничего в оправдание, убрался со двора. А надо сказать, доня Аламанда только этого и ждала, ибо давно решила одарить любовью другого. Она нашла себе любовника, но человек этот был невоздержанный и злой. И не мало натерпелась через то Аламанда, предавшая Гираута.

Сам же Гираут, пребывая в одиночестве, но продолжая надеяться на скорую милость, отправился к одной девице, состоявшей при донье д'Эстанк. Девицу эту тоже звали Аламанда, она была весьма куртуазна и хорошо разбиралась в трубадурском искусстве. И сама была искусна в этом деле, и потому ценила Гираута, как никого.

К ней-то он и обратился за советом, отправив просьбу письмом, в изысканной стихотворной форме:

Друг милый Аламанда, как в тумане,

*Я обращаюсь к вам, узнав о плане
Сеньоры вашей, что, меня тираня,
Жила и вот сейчас стоит на грани
Злодейства, ибо ею же в обмане
Я обвинен!*

*Уверен, что в неравной брани
Останусь побежден!*

Девушка Аламанда сразу вступила в остроумный диалог о любви. Тем более что заняться ей особо было не чем. Она считала себя очень умной и изысканной, видя мало себе равных. Письмо от Аламанды Гираут получил на следующий день:

*Гираут, ради Бога!
Заранее сдаваться – не для вас.
Меры приняли б к охране:
Страсть требует от вас посильной дани,
То есть согласия в том и этом стане –
Пусть дама приравняет холм к поляне,
Ответь ей в тон,
Что есть, мол, радость и в сердечной ране,
И счастьем вызван стон.*

Гираут и так весь полыхал изнутри. Скорый ответ поддал еще жару. Гираут строчил, не думая. Написанное было отправлено сразу из-под пера.

*Да, судишь ты не как иные дуры,
К тому же так прелестна, юна и белокура;*

*Жизнь чуть добрей – ты рада, злее – хмура,
Но мне претят такие каламбуры,
И вывертом судебной увертюры
Я удручен!*

*По мне, уж лучше падать с верхотуры,
Чем ехать под уклон.*

Не успел Гираут обдумать, чего он такого понаписал, как уже получил ответ. Посыльный застал де Борнеля, когда он пытался откупорить бутылку вина. Выбив пробку и наполнив кружку, Гираут отхлебнул вина и прочел:

*Удачней, чем моя, кандидатуры,
Клянусь, Гираут, не сыскать, а мне фигуры
Вашей нет смешней. Ходите понуры,
Твердя о пустоте моей натуры;
Ну что ж, в любви я против диктатуры,
Претит ей гон,
И лучше тихо заводит амуры,
Чем поднимать трезвон.*

Гираут трижды перечитал послание, открывая бутылку за бутылкой. Идея Аламанды пришлась ему по вкусу, но прежде, чем дать положительный ответ, он хлопнул об пол глиняную кружку и написал:

*Не будьте, дева, так глупы и серы
И не касайтесь вам далекой сферы!
Она ведет себя как лицемеры!
По-твоему, у всех ко мне нет веры –*

Нет! Передан от дамы Беренгеры

Мне был поклон!

Я вас ударю, коль и впредь без меры

Так буду оскорблен!

Дописывая последние строки, Гираут ткнул кулаком в стену и поранился. Вследствие чего была откупорена еще бутылка вина и еще.

Письмо от Аламанды застало Гираута утром с бодуна. Он даже сначала и не понял от кого оно. Читал его Гираут вдумчиво, стараясь не трясти головой.

Поскольку ты цеплялся за химеры,

Крушение твоей карьеры

Приобрело огромные размеры;

Иль нужно перечислить мне примеры

Того, как, ссорясь с нею, кавалеры

Несли урон?

Тот, у кого столь дерзкие манеры,

Как ваши, обречен!

Состояние Гираута не располагало ерничать. Да и любовный опыт наделил Гираута чуткостью. И к написанию ответа он подошел не как прежде, а обстоятельно и душевно. Похмеляясь, он расположился в саду под сенью олив и неспешно выводил пером:

Красавица, моё бунтарство мнимо,

Твоя поддержка мне необходима.

Устрой же, коль ошибка поправима,

*И коль любовь, как мной, тобою чтима,
Чтоб в результате твоего нажима,
Я был прощен!
Ведь, если эта мука будет длима,
Конец мой предрешен.*

Начертав такое слезное послание, Гираут однако отправил с другими мыслями и чувствами. Он думал о девице Аламанде, и сердце его наполнялось нежностью, он вспоминал о прежней Аламанде и почувствовал лишь горечь. Гираут представлял, как девица Аламанда, распечатывает его письмо, лицо её хмурится, и она берет перо.

Письмо пришло лишь на третий день. От нетерпения Гираут чуть не порвал его и читал с превеликим волнением:

*Зло, мэн Гираут, было б одолимо,
Будь ваше поведенье извинимо:
Но, говорят, тобой была любима
Та, что и в платье с этой несравнима,
И без. С тех пор она неумолима
И свой резон
Блюдет: тебя не видя, проходит мимо,
А то и гонит вон.*

Ответное письмо де Борнеля уже было готово. Оно было кратким и отправлено сразу же с самым проворным посыльным.

*Проси ж за меня неутомимо,
Ведь я теперь учен!*

Утром он получил ответ:

*Да будет впредь любовь тобой хранима -
Суров ее закон!*

Гиравт не выдержал и сам отправился к девице Аламанде. Та, как будто знала, что Гиравт нагрянет в этот же день, и встретила его в лучших нарядах. Помимо этого их ожидал пиршеский стол, накрытый в уединенном месте. Во время трапезы де Борнель всячески выражал свою симпатию к Аламанде. И не смущаясь, девица оставила его на ночь.

Любовь радовала их три месяца и восемь дней. Время от времени они совершали дальние прогулки, и где-то во время этих выездов Аламанда подцепила оспу. С трудом излечилась, но лицо её осталось обезображенным. Избегая возлюбленного, Аламанда постриглась в монахини.

Де Борнель с горя последовал её примеру. Но монастырские стены вогнали Гиравта в еще большую депрессию, он даже помышлял о самоубийстве. Но тут пришла весть, что король Ричард собирается с крестовым походом за море. Гиравт упросил своего прежнего сюзерена, виконта Лиможского, чтобы тот взял его с собой.

Вместе они участвовали в осаде Акры, где наш трубадур проявил отвагу и доблесть. После взятия крепости Гиравт был всячески обласкан милостью святейших королей Ричарда и Филиппа. Также де Борнель был приглашен ко двору князя Боэмунда Антиохийского, мужа весьма благородного и доброго.

Трубадура там приняли с великим почетом и щедро наградили. Осень и зиму он оставался при дворе, ожидая обратного плавания, которое должно было начаться на Пасху.

(Продолжение историй влюбленных трубадуров появиться, если хотя бы дюжина читателей и один издатель доберется до этого места. И они подтвердят, что в том есть нужда.)